

**Институт восточных рукописей Российской академии наук
Российское историческое общество**

**Посвящается 200-летнему Юбилею
Азиатского музея/Института восточных рукописей РАН**

Всероссийская научная конференция

**АКАДЕМИК В.П. ВАСИЛЬЕВ (1818-1900) КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КИТАЯ, ТИБЕТА И МОНГОЛИИ.
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ.**

**4 апреля 2018 г.
г. Санкт-Петербург**

**ПРОГРАММА
ТЕЗИСЫ**

Составители: Т. А. Пан, И. В. Кульганек

Санкт-Петербург
2018

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts

Конференция проводится в рамках Гранта РФФИ № 17-01-00209/17-ОГОН

Оргкомитет конференции

Председатель Оргкомитета:

доктор исторических наук, директор ИВР РАН

И.Ф. Попова

Сопредседатели Оргкомитета:

кандидат исторических наук

Т.А. Пан

доктор филологических наук

И.В. Кульганек

Секретарь Оргкомитета:

Д. Цветков

Академик В. П. Васильев (1818-1900) как исследователь культуры Китая, Тибета и Монголии. К 200-летию со дня рождения. *Программа и тезисы Всероссийской научной конференции.* — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. — 40 с.

ISBN 978-5-4386-1508-8

Отпечатано в собственной типографии ООО «Свое издательство»
Заказ № 2011

РАСПИСАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Заседания будут проходить в Зеленом зале ИВР РАН
Санкт-Петербург, Новомихайловский дворец (Дворцовая наб., д. 18)

4 апреля 2018 г., среда

12.00–14.00 – Открытие конференции. Утреннее заседание

14.00–15.00 – Перерыв на обед

15.00–16.30 – Дневное заседание

16.30–16.45 – Кофе-брейк

16.45 – 18.00 – Вечернее заседание

Продолжительность доклада с обсуждением – 15 мин.

Все участники конференции приглашаются на торжественную церемонию вручения диплома о включении альбома персидских и индийских миниатюр (Петербургская Муракка) в реестр «Память мира» ЮНЕСКО, которая будет проходить в Зеленом зале ИВР РАН в 11 часов 4 апреля 2018 г.

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

4 апреля 2018 г., среда

12.00-14.00 – Открытие конференции. Утреннее заседание (Зеленый зал)

Председатель: Т.А. Пан

Приветствия:

директор ИВР РАН И.Ф. Попова

представитель Российского
исторического общества

Доклады:

Валеев Р. М., Валеева Р. З. Мартынов Д. Е., Федорченко Р. Г.

Формирование университетского китаеведения в Казани и

В. П. Васильев (1837 – 1855 гг.)

Дацьшен В.Г.

О.М. Ковалевский – китаевед и учитель синоведа В.П. Васильева

Жуков В.Ю., Кульганек И.В.

Академик В.П. Васильев и его потомки: эскиз генеалогического древа

Маяцкий Д.И.

Вклад акад. Васильева В.П. в формирование фонда редких китайских книг

Научной библиотеки Петербургского университета и изучение истории
книжных поступлений

Успенский В.Л.

Малоизвестные аспекты научной деятельности академика В.П.Васильева

14.00–15.00 – Перерыв на обед

15.00–16.30 – Дневное заседание. Председатель – В.Л. Успенский

Мартынов Д. Е., Валеев Р. М.

Пекинский период жизни В. П. Васильева в материалах Государственного
архива Республики Татарстан

Пан Т.А.

В.П. Васильев как преподаватель маньчжурского языка

Кожжа К.А.

«Голосовая система китайской письменности» Ж.-М. Каллери,
замечания к ней о. Иакинфа (Бичурина), критическая переоценка

В. П. Васильевым: три грани одного вопроса

Лю Жомэй

Первые словари китайского языка, опубликованные русскими китаеводами
опубликованные русскими китаеводами

Зорин А.В.

К терминологии дхарани (в развитие идей В. П. Васильева)

16.30–16.45 – Кофе-брейк

16.45 – 18.00 – Вечернее заседание. Председатель – Р.М. Валеев

Гущина Е.Г.

Коллекции О. М. Ковалевского и В. В. Васильева в собрании Кабинета
редкостей Императорского Казанского университета

Почекаев Р.

Между двумя империями: правовое положение Кульджи во второй половине
XVIII – первой половине XIX в. (по запискам русских путешественников)

Чэнь Шэннань

Сравнение двух переводов книги «Сань цзы цзин», сделанных в кругу И.К.
Россохина

Цветков Д.В.

Сюжет об отроке Сян То в творчестве И.К. Россохина

ТЕЗИСЫ

Валеев Р. М., Валеева Р. З. Мартынов Д. Е., Федорченко Р. Г.
Формирование университетского китаеведения в Казани и
В. П. Васильев (1837 – 1855 гг.)*

История отечественного китаеведения XIX в. представлена яркими и выдающимися именами ученых-синологов и их бесценным наследием, посвященным истории и культуре великого соседа России – Китая. Среди них лишь особо выделю следующие имена: Н.Я.Бичурин (1777 – 1853), П.И.Каменский (1765 – 1845), С.В.Липовцев (1770 – 1841), П.И.Кафаров (1817 – 1878) и В.П.Васильев (1818 – 1900). Все они в разные годы жили и учились в Казани, и их тернистый путь в науку о Китае был связан с Российской духовной миссией в Пекине. Особенно жизнь и наследие Бичурина, Кафарова и Васильева составили эпоху в российском китаеведении XIX в. – науке о Востоке, изучающем Китай, его народ, язык, историю и культуру. Их биографии и судьбы тесно сплетены и в целом раскрывают величие и трагедию научного творчества и поиска первых российских ученых-китаеведов, заложивших основы классической синологии в России.

Масштаб личности и творческого наследия В.П.Васильева, его выдающаяся роль в развитии российского и европейского китаеведения во многом ярко и драматично оценена его соратниками и современными исследователями. К сожалению, сегодня отсутствует фундаментальная академическая монографическая работа, посвященная Ученому, Учителю и Человеку. Также полно не выявлено, систематизировано и введено в научный оборот сохранившееся рукописное наследие казанского, пекинского и Санкт-петербургского периодов жизнедеятельности. На основе опубликованных и новых архивных материалов Государственного архива Республики Татарстан представляется важным в год 200-летнего юбилея В.П. Васильева отдать дань уважения памяти В.П.Васильева, продолжившего отечественные традиции служения науке об истории и культуре народов Китая.

На этапе становления университетского китаеведения не только формировались разнообразные сведения и знания о народах и культуре Китая, органичной стала и образовательная и научная деятельность преподавателей и практиков. В XIX – начале XX вв. формировались институциональная система китаеведения, учебно-методические, научные и мировоззренческие принципы университетской работы синологов, и в целом были заметны тенденции и особенности его развития. Факты, события и наука о Китае являлись значимой составляющей университетских гуманитарных исследований.

Для отечественного университетского китаеведения XIX – начала XX вв. было характерно не только накопление разнообразного фактического материала в области языка, литературы, истории, культуры, географии народов Китая. На этапе формирования российская университетская синология в Казани и Санкт-Петербурге отличалась концептуальными, прогностическими, практическими и научными материалами и выводами, которые ярко представлены в наследии профессоров и преподавателей Казанского и Санкт-Петербургского университетов, особенно В. П. Васильева. Он стал значимым символом сформировавшейся отечественной университетской синологической школы на рубеже XIX – XX вв.

В 1883 г. в университетской актовой речи «Современное положение Азии – китайский прогресс» В.П.Васильев пророчески отметил: «Китай имеет все данные, чтобы достигнуть самой высшей точки умственного, промышленного и вместе политического

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ, 17-01-00209/17-ОГОН. «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев».

прогресса. Его принцип глубокого уважения к науке, стремление всего народа учиться с необыкновенным напряжением, не стесняясь количеством лет, показывает, что там может вырасти нация самая образованная в свете, что она может создать ученых, которые могут не только разрабатывать науку сообща с остальным миром, но даже не остановятся на общем уровне».¹

Практическое, академическое и университетское изучение языка, литературы, истории и культуры народов Китая стало важным фактором зарождения и развития синологии в России в XVIII – нач. XX вв.

Формирование университетского китаеведения, маньчжуроведения и буддологии в Казани до 1855 г. в основе которых было изучение языков и памятников духовной культуры народов Центральной Азии связано с деятельностью известных ученых и участников Пекинской духовной миссии – архимандрита Даниила (1798–1871, Пекин, 1821–1830), И.П.Войцеховского (1793–1850, Пекин, 1819–1831) и воспитанника восточного разряда, также члена миссии в 1840–1850 гг. В.П.Васильева (1818–1900). Языковедческие, литературоведческие и историко-этнографические работы ученых, как опубликованные, так и оставшиеся в рукописях, внесли неоценимый вклад в изучение истории и культуры народов Китая. Университетская кафедра китайского языка и словесности (1837 г.), преобразованная в 1844 г. в кафедру китайско-маньчжурской словесности, и исследования казанских востоковедов олицетворяли истоки и развитие университетской традиции изучения в России дальневосточных цивилизаций и государств.

Университетское китаеведение в Казани в первой половине XIX в. формировалось и развивалось на базе уникальной традиции научных путешествий в страны Центральной и Восточной Азии. Наряду с практическими занятиями воспитанников с природными носителями живых азиатских языков непосредственное знакомство с историей, языками, культурой, бытом и нравами во время научных командировок и путешествий стали особенной чертой не только казанской школы востоковедов, но также отечественного востоковедения XIX – начала XX вв.

В архивных фондах гг. Казани, С.-Петербурга и других центров представлен огромный материал, посвященный научным путешествиям воспитанников разряда восточной словесности Казанского университета – О.Ковалевского (1801- 1878) и А.Попова (1855-1880) в Сибирь, Монголию и Китай (1828–1833 гг.) и В.Васильева в Китай (1840–1850 гг.), требующие дальнейшего историко-архивоведческого изучения.

Истоки образовательной подготовки будущих монголоведов, синологов и буддологов в Казанском университете для научного путешествия в составе Пекинской духовной миссии связаны с интересными архивными материалами, касающихся биографий и наследия российских востоковедов.

Среди этих воспитанников, планируемых для включения в состав Пекинской духовной миссии были: С. Рушко (выпускник восточного разряда университета 1841 г, преподаватель китайского языка в гимназии и университете в 1841-1845 гг.), В. Васильев (выпускник восточного разряда университета 1837 г., преподаватель китайского языка в Казанском университете в 1851-1855 гг. и преподаватель китайского и маньчжурского языков в Петербургском университете в 1855-1900 гг.) и М. Навроцкий (выпускник восточного разряда университета 1846 г., преподаватель арабского языка в Казанском университете в 1846-1855 гг. и Петербургском университете в 1855-1871 гг.).

Попечитель казанского учебного округа М.Н.Мусин-Пушкин (1795-1862) планировал С. Рушко «отправить в Пекин для усовершенствования в языке китайском», В. Васильева для «усовершенствования в языке тибетском», а студента М. Навроцкого «для усовершенствования в языке монгольском, изучения языка маньчжурского» [Государственный архив Республики Татарстан. Ф.92. Оп.1. Д.4814. л. 1-3 об.].

¹ *В а с и л ь е в В. П. Современное положение Азии – китайский прогресс.* – СПб., 1883. – С. 22.

В связи с предполагаемым открытием при Казанском университете кафедры тибетского языка было принято решение направить в Пекин в составе духовной миссии В.Васильева, выдержавшего испытания на степень магистра [Государственный архив Республики Татарстан. Ф.92. Оп.1. Д.4814. л. 14].

С отъездом В.Васильева из Казани 20 января 1840 г. в составе XII духовной миссии в научное путешествие в Китай открывалась новая страница в жизни молодого ученого, где, по его словам, родились «многие его мысли и взгляды». Уникальная образовательная и научная командировка В.П.Васильева в Пекин (с января 1840 г. по сентябрь 1850 г.), продолжавшая традиции научных путешествий в истории российского востоковедения и китаеведения XIX в., сыграла исключительную роль в его научной судьбе.

Научное путешествие В. П. Васильева переломное в истории отечественной синологии XIX в. В истории Российской духовной миссии в Пекине (1715-1864) впервые был прикомандирован выпускник российского университета и магистр восточной словесности. В Пекине он развил наблюдательность, память и удивительную способность научной работы над оригинальными классическими текстами. Именно в этот период сформировались особенные черты характера личности – скептицизм, упорство, настойчивость и твердость. В основном сформировался основательный научный фундамент комплексных знаний об истории и культуре народов Китая и в целом Центральной Азии, ярко проявившийся в Казани и Санкт-Петербурге (1850 – 1900).

Гущина Е.Г.

Коллекции О. М. Ковалевского и В. В. Васильева в собрании Кабинета редкостей Императорского Казанского университета

Этнографический музей Казанского университета является одним из первых музеев гуманитарного направления на территории Волго – Уралья. За время своего становления Этнографический музей претерпел ряд структурных изменений. На первом этапе своего развития (первая половина XIX в.) музей существовал как Кабинет редкостей, который представлял собой своего рода университетскую «кунсткамеру».

В Кабинет радостей, как в особое структурное подразделение университета, распределялись все «необычные» и «дикийные» для европейской части России вещи, в том числе и этнографические коллекции по народам Востока. Первоначально комплектование фондов происходило за счет случайных предметов и дарений (костюмы народов Сибири, окаменелости и т.п.). Систематические научные коллекции появляются в Кабинете редкостей с возникновением в Казанском университете Восточного разряда. Для изучения народов Востока Казанский университет организовывал экспедиции, в результате которых был собран огромный материал по географии, страноведению и филологии. Экспедиции способствовали сбору многочисленных предметов быта и культа посещаемых народов. Эти предметы затем доставлялись в университет и пополняли коллекции профильных музеев¹.

Становлению Кабинета редкостей как музея, причем именно этнографического профиля способствовала деятельность О. М. Ковалевского. Во время работы в г. Казани (1824-1862) он занимался изучением восточных языков (тюркских, арабского, фарси и монгольского)². В 1828-1832 гг. О. М. Ковалевский находился в большой научной экспедиции с целью изучения восточных языков: он посетил Сибирь, находился в «разъездах» по Забайкальской степи, населенной монголо-бурятскими и тунгусскими народами; побывал в Китае, где он провел большую научно-исследовательскую работу. Благодаря личному знакомству с бурятскими ламами и установившимся дружественным отношениям с ними, О. М. Ковалевский смог собрать большую коллекцию «редких» и

¹ Столярова Г. Р., Титова Т. А., Гущина Е. Г. Восточные коллекции Кабинета редкостей Казанского Императорского университета // Вестник КАЗГУКИ. 2015. № 4. Ч. 2. С. 38.

²Валеев Р. М. О. М. Ковалевский. Казань, 2002. С. 5-7.

«любопытных» предметов: рукописей, книг; китайских, монгольских и бурятских бытовых вещей и одежды,³ которые он передал в Казанский университет.

В Национальном архиве Республики Татарстан сохранилась тетрадь, в которой О. М. Ковалевский подробно описал и классифицировал сделанные им приобретения, разделив их на несколько групп⁴. В первую коллекцию входили «ламские одеяния и бурятские ризы». Во второй группе были «изображения буддийских божеств и богослужебные вещи». Большой (115 предметов) была коллекция мужских и женских «костюмов», обуви, головных уборов и аксессуаров. В собрании О. М. Ковалевского находилось большое количество картин (94 шт.), книг и рукописей (15 шт.). Последняя «смешанная» группа состояла из разнообразных предметов (образец доски с тибетскими молитвами, использующийся при книгопечатании; деревянная форма ноги 14 летней китайской девочки; 3х чайных шариков и т.п.)⁵.

От О. М. Ковалевского в Кабинет редкостей Императорского Казанского университета в период 1834-1835 гг. поступили и другие предметы⁶. Всего им было передано в музей 467 предмета⁷. Не все экспонаты собирал сам О. М. Ковалевский, некоторые предметы через него передавали в дар университету люди, с которыми он наладил контакты во время своих экспедиций. Например, Долсам-Доржо Гемпилон, с которым О. М. Ковалевский познакомился во время пребывания в Забайкалье в 1828-1833 гг., передавал бурятские рукописи для библиотеки и несколько предметов с «Кукунорских капищ» для Кабинета редкостей: «медную статую, изображающую Шигемунья и две флейты, употребляемые при богослужении»⁸.

В это же время и сам Кабинет редкостей передают в заведование уже ставшего ординарным профессором О. М. Ковалевскому. Одной из причин прихода О. М. Ковалевского в качестве заведующего в Кабинет редкостей явилось его желание в дальнейшем научно исследовать привезенные им материалы⁹.

Следующее пополнение восточных коллекций Кабинета редкостей произошло благодаря В. П. Васильеву, который провел десять лет в Китае (с 1840 по 1850 гг.). С момента поступления в Императорский Казанский университет В. П. Васильев стал заниматься востоковедением – изучал монгольский язык и литературу под руководством профессора О. М. Ковалевского¹⁰. В. П. Васильев проявлял особый интерес к изучению тибетского и санскритского языков. Поскольку университет уже давно планировал открытие кафедры тибетского языка, то было решено отправить В. П. Васильева в экспедицию в Китай в качестве члена духовной миссии. В инструкции относительно научной работы, которую составил О. М. Ковалевский, и одобрила Академия наук, В. П. Васильеву рекомендовалось «обратить внимание на географию, историю, религию и древности Тибета»¹¹. Также особое внимание рекомендовалось уделялось изучению истории, литературы и древностей народов и стран Восточной Азии, которые оказали и оказывают влияние на Тибет (Китай, Индия, Монголия)¹². В. П. Васильеву поручалось

³Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1839-1840 академический год. Казань, 1840. С. 36-37.

⁴НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4251. Л. 6-16.

⁵Титова Т. А., Столярова Г. Р., Гущина Е. Г. Восточные коллекции Кабинета редкостей Казанского Императорского университета // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. №4 (2). С. 37-40.

⁶Назипова Г. Р. Университет и музей: исторический опыт Казанской губернии. Казань, 2004. С. 129.

⁷Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1839-1840 академический год. Казань, 1840. С. 37.

⁸НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Л.19.

⁹Назипова Г. Р. К истории Кабинета редкостей Императорского Казанского университета // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 1. С. 29.

¹⁰Валеев Р. М. В. П. Васильев. Казань, 2002. С. 4-12.

¹¹ Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1839-1840 академический год. Казань, 1840. С. 12-13.

¹²Там же.

изучить особенности китайского земледелия и промышленности и приобрести для университета высокохудожественные образцы бытовой утвари и орудий, которые еще не представлены в собраниях Казанского университета¹³. За время пребывания в экспедиции В. П. Васильев собрал много разнопланового материала, в том числе и одиннадцать предметов, перешедших в Кабинет редкостей¹⁴. Более подробного описания предметов, привезенных В. П. Васильевым, нам на данный момент обнаружить не удалось.

Таким образом, этнографическое собрание, накопленное за полвека развития Кабинета редкостей, состояло в большей степени из предметов, характеризующих материальную и духовную культуру народов Восточной Азии и Азиатской части Российской империи (Китай, Забайкалье, Бурятия). Основным источником пополнения фондов стали научные экспедиции востоковедов (О. М. Ковалевский, В. П. Васильев); сами коллекции стали выступать материалом для научных исследований. Следует отметить, что благодаря деятельности востоковедов Этнографическое собрание Кабинета редкостей в 30-40-е гг. XIX в. увеличилось в десять раз. Но после перевода из Казанского университета ученых Восточного разряда в Санкт-Петербург, коллекции кабинета утратили свое значение как научного источника. Предполагалось вместе с Восточным разрядом перевести в столицу и восточные коллекции Кабинета редкостей и Нумизматического кабинета. Но большая часть данных коллекций все же осталась в Казанском университете. Это мотивировалось тем, что в Казанском университете уже давно возникла необходимость создания именно этнографического музея. В 1857 г. вследствие распоряжения попечителя Казанского учебного округа Кабинет редкостей был переименован в Музей местных древностей и этнографии.

Дацышен В.Г.

О.М. Ковалевский – китаевед и учитель синолога В.П. Васильева*

Выдающийся русский китаевед В.П. Васильев был учеником и продолжателем трудов О.М. Ковалевского¹⁵. Ученик сначала шел по пути своего учителя, а затем достиг новых вершин. О.М. Ковалевский стоял у истоков российского монголоведения, но монголоведение в российской науке было не только составной частью китаеведения в широком смысле этого слова, но и отправной точкой его развития¹⁶.

В конце 1820-х гг. Казанский университет направил в Восточную Сибирь двух стажеров. В документах Ученого совета зафиксировано: «Г.г. Кандидату Ковалевскому и Студенту Попову постановляется в обязанность... А. По части истории. 1) Собрать сведения о достопримечательнейших сочинениях в отношении к истории как Сибирских стран, так Монголии, Манджурии и вообще Азиатских государств или народов... 2) Собрать сведения, могущие пояснить движение народов... 3) Открыть подлинные причины и время первоначальных поселении...»¹⁷. Отправляясь в 1830 г. в Пекин О.М. Ковалевский получил следующее задание, составленное профессорами Казанского университета В.Я. Баженовым и И.К. Ероховым: «Стараться сколько возможно приобрести подлинные сочинения известных своею ученостью и достоинствам авторов писавших 1) О Мифологии Китая, Тибета, Монголии и проч. 2) Хронологию, 3) Генеалогию 4) Геральдику, 5) Дипломатику, 6) Нумизматику, 7) Ипиграфию и Археологию буде оные есть и потом, 8) Сочинения составляющие собственно историю сих соединенных земель вообще, 9) Истории областей, городов и примечательных зданий, 10)

¹³ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. Л. 39.

¹⁴ Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1839-1840 академический год. Казань, 1840. С. 17.

* Доклад прочитан в рамках проекта РФФИ № 17-01-00209/17-ОГОН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О.М. Ковалевский и В.П. Васильев».

¹⁵ Ковалевский (Kowalewski) Осип (Иосиф) Михайлович (1800-1878).

¹⁶ Дацышен В.Г. Изучение истории Китая в Российской империи. – М.: Проспект, 2016. – 192 с.

¹⁷ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф.977. Оп.Совет. Д.1266. Л.40.

Историю воин и воинского устройства, 11) Исторические сведения... до судоходства и судостроения...; равномерно позаботиться о собрании других исторических материалов относимо к составлению Китайской истории. – 14) О летописных актах и документах чему либо примечательных, 15) Критических исторических изысканий, 16) Исторических записок и повествований о разных событиях... 17) Жизнеописания, 1) Государей 2) Полководцев и Генералов, 3) Авторов и почему либо замечательных людей так же не забыть а) о тех сочинениях, кои составляют так называемую смесь истории: как что сборники выписки, собрания анекдотов и проч., дабы таким образом историю Китая можно было видеть в полном ее составе начиная с первобытных... времен...»¹⁸.

О.М. Ковалевский был прикреплен к XI Духовной миссии во главе с архимандритом Вениамином (Морчевичем). В составе этой миссии были такие имена, как иеромонахи Аввакум (Честной) и Феофилакт (Киселевский), иеродиакон Поликарп (Тугаринов) и псаломщик Григорий Михайлович Розов, студент Епифан Иванович Сычевский и врач П.Е. Кириллов, горный инженер А.И. Кованько и художник А.М. Легашев. От Академии наук к миссии были прикреплены кроме О.М. Ковалевского ботаник А.А. Бунге и астроном Е.Н.Фукса. В ноябре 1830 г. XI миссия в сопровождении подполковника генерального штаба М.В. Ладыженского прибыла в Пекин. Обрато О.М. Ковалевский возвращался вместе с X миссией архимандрита Петра (Каменского).

О.М. Ковалевский во время своей командировки в Китай старательно исполнял поручения и инструкции, собирал документы и материалы. В одном из его докладов говорилось: «Во время пребывания в Урге приобрел я редкое и важное сочинение, богословского содержания, в 1660 г. в Пекине напечатанное, под заглавием: Алтан гэрэл, за 12 кирпичей чаю и 1 сафьян, что стоило 35 рублей ассигнациям». В Китае О.М. Ковалевский купил 2 корешка корейского женьшеня, которые отправил в Казань. Таким образом, научная карьера О.М. Ковалевского началась с комплексного изучения Цинской империи в Пекине, куда он поехал вместе с Духовной миссией. Исследователи отмечают: «О.М. Ковалевский во время своего путешествия по Монголии и Китаю в 1828-1832 гг. по поручению Казанского университета приобрел 189 сочинений в 1433 томах, в том числе 48 рукописей на монгольском, тибетском, китайском и маньчжурском языках»¹⁹. Пребывание О.М. Ковалевского в Цинской империи отражено в его дневниках и письмах, уже изученных современными российскими востоковедами²⁰.

О.М. Ковалевский побывавший сохранил самые теплые отношения с членами X Российской духовной миссии. Об этом говорит, в частности, его переписка с архимандритом Петром (Каменским). Это была переписка между двумя великими учеными – членами-корреспондентами Санкт-Петербургской академии наук. В своих письмах уже в 1837 г. архимандрит Петр так писал О.М. Ковалевскому: «Высокоблагороднейший господин, милостивый государь Иосиф Михайлович! При настоящей оказии с приятностью хочу повторить пекинское наше сотрудничество, доставившее впоследствии мне значительные выгоды...»²¹; «Ваше Высокоблагородие, милостивый государь Иосиф Михайлович! Почтенное письмо Ваше, полученное мною от г. студента Латухина, принесло мне сугубое удовольствие. Первое потому, что получил его от человека, коего сердце мое привыкло любить и почитать. Второе потому, что от почтенного в Китае сослуживца и поистине предоброго, счастью моему и всей моей миссии, признательного в счастье споспешника. Сердечная моя благодарность к особе

¹⁸ НАРТ. Ф.977. Оп.Совет. Д.1266. Л.101об.

¹⁹ Таранович В.П. К вопросу о литературных материалах по востоковедению, хранящихся в учреждениях города Казани. Предисловия и публикация Т.А. Пан // Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941-1944) / сост. и отв. ред. И.Ф. Попова. - М., 2011. С.223-224.

²⁰ Россия – Монголия – Китай: Дневники монголоведа О.М. Ковалевского. 1830-1831 гг. / Подготовка к изданию, предисловие. Глоссарий, комментарии и указатели Р.М. Валеев, И.В. Кульганек. – Казань, 2006.

²¹ Хохлов А.Н. Монголист О.М. Ковалевский: путешествие в Пекин (1830-1831) и контакты с Российскими китаеведами // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. II. - М., 2004. С.166.

Вашей прибудет вечно. Уверен я, что Вы отца Архимандрита Даниила за его доброту любите, а потому надеюсь, что дружбой его не оставите...»²².

Вернувшийся из кратковременной поездки в Пекин О.М. Ковалевский, возглавил кафедру монгольского языка. 25 июля 1833 г. в университете была учреждена первая в России и Европе кафедра монгольского языка во главе с О.М. Ковалевским. В 1854-1860 гг. выдающийся востоковед возглавлял весь Казанский университет. Именно с изучения монгольского языка в 1834 г. в Казанском университете начал путь в науку будущий академик В.П. Васильев. И в Пекин будущий глава российского китаеведения выехал, как и его учитель, в качестве монголоведа, и со следующей, XII-й миссией. Правда, в отличие от своего учителя, В.П. Васильев остался на весь срок работы миссии в Пекине.

Уровень О.М. Ковалевского, как китаиста, позволял ему публиковать специальные синологические исследования. Например, в 1835 г. В Ученых записках Казанского университета была опубликована статья о китайском календаре²³. В этой работе О.М. Ковалевский описал историю привлечения иезуитов к работе по составлению календаря в Пекине XVII в. в 1939-1940 гг. заведующий монгольской кафедры опубликовал в «Журнале Министерства Народного Просвещения» несколько статей, например: «Политический переворот в Китае около половины XVII столетия». В своих обобщающих работах по истории монгол российский востоковед доказывал, что народы Азии не просто имели историю, но их развитие всегда было частью всемирно-исторического процесса.

Работая в Казани, ученый активно сотрудничал с Академией наук, например, 6 февраля 1835 г. «С.С. Уваров поручил АН рассмотреть роспись коллекций китайских, маньчжурских, монгольских и амаистских костюмов, идолов, монет, картин, книг и других предметов, собранных адъютантом И.М. Ковалевским во время его путешествия в Китай»²⁴.

Вклад О.М. Ковалевского в создание казанского китаеведения уже к тому времени, когда в университет поступил В.П. Васильев, был огромным. Согласно «Каталогу Санскритским, Монгольским, Тибетским, Маньчжурским и Китайским книгам и рукописям, в Библиотеке Императорского Казанского Университета хранящимся» к 1834 г. университет уже имел: «...168) Тун-дзянь Ган-му. Китайская История от первого Императора Фу-си до изгнания Монгольского дома из Китая в 1368 году. На Маньчжурском языке, 12 томов, 108 книг. 169) Цань-дин-си-юй-тун-вынь-джи. Историческо-Географический словарь западных стран... 173) Чунь-цю Летопись царства Лу (что ныне провинция Шань-дун), Конфуцием приведенная в порядок, заключающая в себе хронологическое повествование о деяниях Царей в течение 242-х лет и правила Государственного правления. На Маньчжурском и Китайском языках, 6 томов, 49 книг. 174) Цин-дин Мин-дзянь. История Династии Минг, царствовавшей в Китае. На Китайском языке, 2 тома, 12 книг...»²⁵. В предисловии к публикации летописи «Алтан-Тобчи», например, говорится: «Она отыскана членами нашей духовной миссии в Пекине и привезена в Россию в двух списках: один находится в библиотеке Азиатского Департамента министерства иностранных дел, другой у профессора О.М. Ковалевского, в Казани»²⁶.

²² Хохлов А.Н. Монголист О.М. Ковалевский: путешествие в Пекин (1830-1831) и контакты с Российскими китаеводами // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. II. - М., 2004. С.167.

²³[Ковалевский] О Китайском Календаре (О. Ковалевскаго) // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. 1835. Кн. III. - Казань, 1835. С. 111-139.

²⁴Летопись Российской Академии наук Т. II. 1803-1860. Отв. ред. М.Ф. Хартанович. - СПб., 2002. С.252.

²⁵Каталог Санскритским, Монгольским, Тибетским, Маньчжурским и Китайским книгам и рукописям, в Библиотеке Императорского Казанского Университета хранящимся // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. 1834. Кн. I. - Казань, 1834. С. 238-239.

²⁶ Савельев П.С. Предисловие // Алтан-Тобчи. Монгольская летопись, в подлинном тексте и переводе, с приложением калмыцкого текста Истории Убаши-Хунтайджия и его войны с Ойратами; перевод ламы Галеана Гомбоева / Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества. Ч. 6. - СПб., 1858. С. V-VI.

В 1837 г. профессор монгольской словесности О.М. Ковалевский был избран членом-корреспондентом Академии наук. Советский историк-китаевед В.Н. Никифоров высказал такое мнение: «В Казанском университете впервые определилось направление, пытавшееся ... противопоставить методу своих предшественников – переводу и пересказу китайских книг – острокритический подход к источникам. Предшественником этого направления стал... Ковалевский»²⁷.

Будучи ведущим специалистом по Центральной и Восточной Азии, и не только в Казанском университете, но и в России вообще, О.М. Ковалевский направлял учебу и научную работу молодого востоковеда В.П. Васильева. В «Инструкции, данной Конференциею Императорской Академии Наук Кандидату Васильеву» говорилось: «Императорская Академия наук, даря свою доверенность Г-ну Кандидату Васильеву избранием его в свои агенты на время его пребывания в Пекине, считает излишним снабдить его в этом качестве особою Инструкциею, Начертанное для него Г. Профессором Ковалевским руководительное наставление так объемлюще и вполне удовлетворительно, что нельзя присовокупить к нему ничего значительного»²⁸.

В «Наставлении отправляющемуся в Пекин Г. Васильеву» говорилось: «1. Казанский университет, отправляя своего воспитанника, Г. Васильева, в Пекин... имеет ввиду со временем приобрести в нем отличного преподавателя географии, истории, религии и древностей народов, населяющих восточную полосу Азии... Г. Васильев, не довольствуясь известными уже данными, обязан в местных рудниках отыскивать новые факты, которые могут подкрепить или объяснить прежние, или навести на совершенно новую точку зрения, потому что еще не все китайские летописи были рассмотрены ориенталистами, а тибетския или монгольския еще скрываются во мраке монастырей или коптеют в юртах номадических племен и ждут опытного европейскаго взора. Г. Васильев должен себя утешать богатою жатвою на поприще истории... 5. После изучения языков первое место занимает изучение истории Тибета... 6. Но сочтется достойным усилий Г. Васильева, если он посвятит себя изучению истории образованности Индии, Китая и Тибета в разные годы их существования»²⁹. Профессор О.М. Ковалевский предписывал стажеру: «не ограничиваясь одною теориею языков, руководствует своих питомцев к практическому их употреблению, а объясняя историю и литературу важнейших азиатских народов»³⁰.

О.М. Ковалевский был учителем многих китаеведов не одного лишь В.П. Васильева. В составленной профессором Казанского университета профессором Ковалевским в конце 1844 г. инструкции готовившемуся к занятию места адъюнкта в Академии наук студенту Н.И. Зоммеру, в частности, говорилось: «Казанского Университета казённокоштный студент, по разряду Китайской и Монгольской словесности, Николай Зоммер... предназначается начальством на место адъюнкта при Императорской С. Петербургской Академии Наук, по части Китайской литературы... Университетское начальство своему питомцу вменяет в неперемнную обязанность: С окончанием курса, для получения степени кандидата, представить сочинение по главному предмету... По окончании курса, Зоммер останется при Казанском университете на один год, с тем, чтобы в это время приготвиться к испытанию на степень магистра и раздвинув пределы своих знаний, как в языке, так и в истории Китая...»³¹. Ученик О.М. Ковалевского Дорджи Банзаров «перевел на монгольский язык с французскаго перевода “Странствования” китайскаго буддиста IV века, по имени Фа-Сяня»³² и был избранного членом-корреспондентом Русского Археологического общества.

²⁷ Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. – М., 1970. С.7.

²⁸ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 68.

²⁹ НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.4814. Л.24.

³⁰ Валеев Р.М. Василий Павлович Васильев, 1818-1900. – Казань, 2002. С.6.

³¹ НАРТ. Ф.977. Оп.1. Д.2799. Л.3.

³² Савельев П. Из писем Дорджи Банзарова // Труды Восточного отделения Императорского

У О.М. Ковалевского было много талантливых учеников. Но В.П. Васильев занимает особое место среди них. Универсальность и энциклопедичность знаний о Востоке, при критическом подходе к материалу сделали ученика создателя первой монгольской кафедры не просто первым и единственным русским академиком-китаеведом, но и патриархом русского востоковедения. На всех этапах научной карьеры В.П. Васильева мы видим отражение трудов его учителя - О.М. Ковалевского.

Жуков В.Ю., Кульганек И.В.

АКАДЕМИК В. П. ВАСИЛЬЕВ И ЕГО ПОТОМКИ:

эскиз генеалогического древа*

Выдающийся российский ученый-синолог, буддолог, санскритолог, доктор восточной словесности (1864 г.), академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1886), декан Факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета, **Василий Павлович Васильев** (20 февраля / 4 марта 1818 – 27 апреля / 10 мая 1900) закончил словесное отделение философского факультета Императорского Казанского университета в 1837 г. По окончании курса В. П. Васильеву было предложено отправиться с Духовной миссией в Пекин для изучения санскрита, тибетского и китайского языков. Из Китая Васильев привез огромную коллекцию китайских, тибетских и монгольских рукописей и ксилографов. Пробыв в Китае более девяти лет, он, вернувшись в 1850 г., получил должность ординарного профессора по кафедре китайской и маньчжурской словесности и затем возглавил китайскую кафедру (1851–1855). Полагаем, что определенную роль в назначении сыграл блестящий отзыв, содержавший высокую оценку научной деятельности в Китае В.П.Васильева, который дал своему ученику его учитель и наставник,

О.М. Ковалевский. Оригинал отзыва хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН (Ф. 29. Оп. 1. Д. 27) и был опубликован соавторами.³³ В 1855–1890 гг. В.П.Васильев был профессором и деканом Факультета восточных языков Петербургского университета, Здесь он написал свой главный труд «Буддизм, его догматы, история и литература» (1857–1869), переведенный позднее на немецкий язык. Его фундаментальные работы по истории китайской литературы, даосизму и конфуцианству стали образцами отечественного классического востоковедения и при жизни автора приобрели европейскую известность. Всего В. П. Васильев автор около 200 научных трудов. Он стал первым профессором китаеведения в России.

Личная жизнь. Тесть и жена академика

Василий Павлович Васильев родился в Нижнем Новгороде в семье чиновника канцелярии губернского правления Павла Васильевича Васильева. Мать — Анна Петровна Васильева. Родители будущего ученого были из духовного сословия. В семье было пять детей — две дочери и три сына, В. П. Васильев — был самым младшим.

В 1852 г., в возрасте 34 лет, он женился на 20-летней **Софье Ивановне Симоновой** (1832–1868) — дочери члена-корреспондента Академии наук и ряда зарубежных академий наук и научных обществ, ректора Казанского университета **Ивана Михайловича Симонова** (1794–1855). Университет он возглавлял непосредственно после Н. И. Лобачевского и до ректорства О. М. Ковалевского.

Археологического общества. Ч.3. – СПб., 1858. С.148.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-01-00209/17-ОГОН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев»).

³³ Отзыв О. М. Ковалевского о В. П. Васильеве. Подготовка к изданию, предисловие и комментарий — В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек // MONGOLICA-XIX: Сб. научн. статей по монголоведению посвящается ведущим рос. монголоведам, юбилярам 2017 года М. И. Гольману, В. В. Грайворонскому и К. Н. Яцковской. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. С. 62–67.

И. М. Симонов был участником экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, открывшей Антарктиду и первым русским астрономом, совершившим кругосветное путешествие и наблюдавшим в ноябре 1846 г. только что открытую новую планету Нептун.

В 1833–1838 гг. под его руководством сооружена и оборудована астрономическая обсерватория Казанского университета — в то время одна из лучших в Европе и самая восточная в мире. В 1994 г. на ней установлена мемориальная доска. По его инициативе в Казани была основана также и магнитная обсерватория (1843 г.).

Овдовев через 14 лет брака, воспитывал двоих сыновей и двоих дочерей.

В первой половине XIX в. тесть-астроном жил в небольшом имении в с. Каинки Свяжского уезда Казанской губернии, в 40 км от Казани. Поэтому улица, на которой он жил, называлась Симоновской.

Скончался Иван Михайлович 9 января 1855 г., находясь на службе. Похоронен в Казани на Кизическом кладбище при Кизическом Свято-Введенском мужском монастыре, которое было уничтожено в советское время. В 2010 г. в Кизическом монастыре установлен памятный камень на условном месте захоронения И. М. Симонова.

В приданое Софья Ивановна получила от отца имение в с. Каинки, где Васильевы жили 1852–1855 гг. Их дом стоял на соседней с Симоновской улице, рядом с деревянной Крестовоздвиженской церковью. Через 16 лет В. П. Васильев овдовел. Супруга была похоронена в с. Каинки на кладбище возле этой церкви.

Сам Василий Павлович Васильев умер через 32 года после жены, 27 апреля (10 мая) 1900 г., в Петербурге.

Гроб с телом покойного 6(19) мая в 2 часа ночи прибыл по железной дороге из Петербурга на станцию Свяжск, затем был доставлен в с. Каинки. В. П. Васильев был предан земле на возвышенном месте близ ручья, рядом с могилой супруги, возле уже новой — кирпичной — Крестовоздвиженской церкви (построена в 1890–1903 гг.).

Позднее сын Александр Васильевич поставил на этом месте памятник.

После революции дом Васильевых в Каинках был снесен, их семейный склеп разрушен, надгробие с могилы академика и его супруги снято и перенесено с повреждениями в другое место. Церковь закрыта в конце 1920-х гг., заброшена и разрушалась. Ныне возвращена верующим, восстанавливается. Несколько лет назад надгробие Васильевых зацепили тросом и оттащили трактором ближе к кладбищу.

Дети академика

У четы Васильевых было семеро детей — трое сыновей и четыре дочери. Нам известны имена 14 внуков, двоих правнуков и четырех праправнуков. Вероятно, их было больше. Коротко расскажем о них. Степень родства указана по отношению к В. П. Васильеву.

Сын Александр Васильевич Васильев (1853–1929) — крупный математик и историк, профессор, депутат Государственной думы от Казанской губернии, член Государственного совета от Академии наук и ЦК кадетской партии.

В 1874 г. окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета и с того же года преподавал в Казанском, с 1907 г. — в Петербургском, с 1923 г. — в Московском университетах. Председатель Петроградского математического общества в 1921–1923 гг. Член-корреспондент Международной академии истории науки³⁴ (1929).

В Казани проживал в собственном доме на улице Ново-Комиссариатской (ныне ул. Муштари). Входил в городские общественные комиссии. Был земским гласным (1880–1890), мировым судьей свяжских уездных училищных советов. В 1906 г. переехал в Петербург.

³⁴ До 1932 г. называлась «Международный комитет по истории науки».

Был женат на Александре Павловне Максимович — внучке штурмана шлюпа «Диана», снаряженного в 1807 г. для исследования Великого океана.

В середине или конце 1920-х гг. эмигрировал во Францию. Умер 6 (по другим сведениям, 16) октября 1929 г. в Париже.

Дочь Аглаида Васильевна Васильева (5.07.1854 – ?).

Сын Николай Васильевич Васильев (29.06.1857 – ?).

Дочь Лидия Васильевна Барановская (урожд. Васильева, 19.11.1860 – ?) — жена генерала от кавалерии Всеволода Степановича Барановского (26.11.1853 – июль 1921) — брата генерал-лейтенанта Льва Степановича Барановского.

Дочь Мария Васильевна Барановская (урожд. Васильева, 25.09.1863 – ?) — была замужем за полковником Генерального штаба, затем генерал-лейтенантом Львом Степановичем Барановским (1855–?) — братом генерала от кавалерии Всеволода Степановича Барановского. Позднее супруги развелись.

Таким образом, сестры Лидия и Мария Васильевы (Барановские) были замужем за братьями генералами Львом и Всеволодом Барановскими соответственно.

Сын Сергей Васильевич Васильев (1867–?) — ветеринарный врач при Свяжском земстве. Окончил Казанский ветеринарный институт. Жил в г. Свяжске. Владел 200 десятинами земли, имел хутор Поляна в 4 км от Каинок, разоренный после революции.

Дочь Нина Васильевна Вороновская (урожд. Васильева) — была замужем за Дмитрием Андреевичем Вороновским.

Внуки академика

Дети сына Александра Васильевича Васильева

Внук Николай Александрович Васильев (29.06.1880 – 31.12.1940) — философ, историк, поэт; ученый, предвосхитивший развитие основных разделов современной неклассической логики. Окончил медицинский факультет Казанского университета в 1904 г., также прослушал курс философии. В этом же году женился на Екатерине Степановне Завьяловой. С ноября 1910 г. — приват-доцент кафедры философии Казанского университета. С 1918 г. — профессор. В 1922 г. отправлен на пенсию (в возрасте 42 лет).

Из-за обострившегося маниакально-депрессивного психоза последние годы жизни находился в психиатрической лечебнице, где и умер за полгода до начала Великой Отечественной войны.

Внук Сергей Александрович Васильев (1881–?) — инженер путей сообщения. Окончил Институт инженеров путей сообщения в Петербурге в 1909 г. Был начальником Ленской изыскательской партии, впервые обследовавшей р. Лену и реки верхней части ее бассейна (1911–1918 гг.).

Внучка Анна Александровна Васильева (1882–?) — помещица Казанской губернии (*данные предположительные*).

Внучка Елена Александровна Васильева (1884–?).

Дети дочери Лидии Васильевны Барановской (урожд. Васильевой)

Внучка Вера Всеволодовна Барановская (1885 – 7.12.1935) — актриса театра и кино, известная также по фильмам, снятым в Германии и Чехословакии. Исполнительница главной роли в кинокартине «Мать» (1926) и работающей женщины в фильме «Конец Санкт-Петербурга» (1927) режиссера Вс. И. Пудовкина. С 1932 г. уехала на лечение во Францию. Умерла в Париже.

Внучка Елена Всеволодовна Бирюкова (урожд. Барановская, 1892–1960-е) — двоюродная сестра О. Л. Керенской (урожд. Барановской). Была замужем за генерал-майором Николаем Павловичем Бирюковым (1873–1919), героем Первой мировой войны, участником Брусиловского прорыва. В Гражданской войне активного участия не принимал. Захвачен большевиками и расстрелян 13.07.1919 г. в Одессе.

По некоторым сведениям, Елена Всеволодовна в эмиграции во Франции имела дочь от А. Ф. Керенского.

Внучка Ольга Всеволодовна Барановская.

Дети дочери Марии Васильевны Барановской (урожд. Васильевой)

Внук Владимир Львович Барановский (20.05.1882 – 11.09.1931) — русский и советский военный деятель, генерал-майор (за отличия по службе, 1917 г.), герой Первой мировой войны, награжден Георгиевским оружием.

Участник Февральской революции, член Военной комиссии Временного комитета Государственной думы.

6 июля 1917 г. военный и морской министр во Временном правительстве А. Ф. Керенский (его зять — муж сестры) назначил его начальником кабинета военного министра.

После Октябрьской революции подвергнулся аресту. Находился в заключении в Петропавловской крепости до 4 января 1918 г., когда был освобожден под честное слово. В марте 1918 г. уволен со службы. С сентября 1918 г. в РККА, где занимал разные должности, В 1921–1924 гг. начальник оперативно-строевого отдела Управления связи РККА.

Арестован 17 февраля 1931 г. по делу «Весна». Признал себя виновным в создании контрреволюционных организаций. Осужден к ВМН с заменой на 10 лет ИТЛ. Умер в СибЛАГе осенью того же года.

Внучка Ольга Львовна Керенская (урожд. Барановская, 1884 – 1.10.1975) — первая жена А. Ф. Керенского (с 1904 г. и до его ухода в Госдуму в начале Февральской революции в 1917 г.). Училась на Высших женских (Бестужевских) курсах в Петербурге. Посоветовала Керенскому носить знаменитую стрижку «бобрик».

Личная жизнь супругов к середине 1917 г. фактически расстроилась. Весной 1918 г. Керенский эмигрировал, а Ольга Львовна с двумя сыновьями и матерью осталась в Петрограде без средств к существованию, набивала папиросные гильзы табаком на продажу.

В мае 1918 г. уехала с семьей в Усть-Сысольск. В августе была там арестована ВЧК и доставлена в Москву, на Лубянку, обвинена в попытке бегства к белым. В течение шести недель содержалась вместе с детьми в Лубянской тюрьме. После освобождения осенью 1918 г. вернулась в Петроград и проживала совместно с матерью.

Младший сын Глеб болел туберкулезом, лечить его в России было невозможно, и семья решила на отъезд. В 1920 г. через эстонского консула достали поддельные паспорта на фамилию Петерсонов и как эстонские граждане выехали в Эстонию. Из Ревеля (Таллин) Керенские отправились в Швецию, в августе 1920 г. переехали в Англию.

Там Ольга Львовна работала машинисткой, волонтером женской неправительственной организации. Летом 1939 г. брак между супругами Керенскими был официально расторгнут. 20 августа 1939 г. А. Ф. Керенский вступил во второй брак с Лидией Элен (Нелл) Триттон. В послевоенные годы Керенский неоднократно приезжал к сыновьям в Англию. Ольга Львовна и дети поддерживали добрые отношения с Александром Федоровичем до самой его кончины в 1970 г.

Пережила его на пять лет. Покоится на лондонском кладбище Путни-Вейл рядом с А. Ф. Керенским, своими сыновьями и их женами.

Внучка Елена Львовна Тархова (урожд. Барановская, 2.09.1885 – ?).

Дети дочери Нины Васильевны Вороновской (урожд. Васильевой)

Внучка Вера Дмитриевна Вороновская.

Внучка Надежда Дмитриевна Сумарокова (урожд. Вороновская) — жена Александра Сумарокова.

Внучка Любовь Дмитриевна Иволгина (урожд. Вороновская) — жена Алексея Антоновича Иволгина.

Внук Константин Дмитриевич Вороновский.

Правнуки академика

Дети внучки Ольги Львовны Барановской (урожд. Керенской)

Правнук Олег Александрович Керенский (3/15.04.1905 – 25.06.1984) — выдающийся инженер-мостостроитель, один из лучших специалистов своего времени, проектировал подвесной мост через пролив Босфор в Стамбуле, крупнейший в мире Купол открытый (111 м в диаметре) в Лондоне.

5.01.1918 г. участвовал в демонстрации в поддержку Учредительного собрания в Петрограде.

Командор ордена Британской империи (1964, награжден королевой Елизаветой II), член Лондонского королевского общества (1970).

Похоронен вместе с родителями и братом Глебом на кладбище Путни-Вейл в Лондоне.

Правнук Глеб Александрович Керенский (7.12.1907 – декабрь 1990) — инженер-энергетик. Был женат на англичанке Мэри Хадсон, вместе с которой переехал в 1928 г. в Англию. Похоронен с родителями и братом Олегом на кладбище Путни-Вейл в Лондоне.

Сын внучки Любви Дмитриевны Иволгиной (урожд. Вороновской)

Правнук Петр Алексеевич Иволгин.

Праправнуки академика

Сын правнука Олега Александровича Керенского

Праправнук Олег Олегович Керенский-младший (1930–1993) — балетный и театральный критик. Автор ряда книг. В фильме «Красные» (1981) сыграл своего деда — главу Временного правительства России. Был близок с артистом балета и балетмейстером Рудольфом Нуриевым.

Дети правнука Глеба Александровича Керенского

Праправнучка Катерина Глебовна Керенская (р. 1946).

Праправнук Степан (Стивен) Глебович Керенский (р. 1949) — поэт, детский писатель, занимался антиквариатом. Родился в Глазго, Великобритания.

Праправнучка Либби Хадсон (Елизавета Глебовна Керенская, р. 1956).

Зорин А.В.

К терминологии дхарани (в развитие идей В. П. Васильева)

В докладе рассматривается тема классификации и жанровых характеристик буддийских сакральных формул, известных как *дхарани*, *мантры* и т.д. В основу рассмотрения положено, с одной стороны, определение религиозно-философской подоплеку буддийского подхода к такого рода текстам (определяемым часто как магические, заклинательные и т.п.), с другой стороны, анализ конкретного текстового материала, где представлены данные формулы вместе с их обозначениями. Касаясь первого аспекта, автор отталкивается от ранней, но оказавшейся очень плодотворной интерпретации дхарани, предложенной в середине XIX в. В. П. Васильевым. Второй аспект рассматривается прежде всего на примере тибетского сборника дхарани-сутр «Сунгдуй», составленного Таранатхой (первая треть XVII в.). Автор полагает, что концепция пустоты всех дхарм и их равнозначности на уровне высшей истины обуславливает принципиальную нечеткость в терминологии, при которой те или иные слова-маркеры отражают лишь различные модусы восприятия одних и тех же формул. Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Сборники коротких канонических, апокрифических и постканонических текстов в истории тибетской буддийской литературы», №15-34-01217.

Кожя К.А.

**«Голосовая система китайской письменности» Ж.-М. Каллери,
замечания к ней о. Иакинфа (Бичурина), критическая переоценка
В. П. Васильевым: три грани одного вопроса.**

Генезис китаеведной лингвистической терминологии — сложная и обширная тема. В настоящем сообщении мы рассмотрим одну из первых попыток упорядоченного описания китайского языкового строя в рамках академического подхода, предпринятую о. Иакинфом Бичуриным (1777-1853) в его неопубликованном труде: «Голосовая система китайской письменности Каллери. Перевод и замечания, написанные для Академии наук в 1842 г.» (ЦГА РТ, ф. 847, оп. 5, д. 10, л. 1—95). В сущности работа о. Иакинфа представляет собой перевод и последовательный критический разбор новаторского для своего времени труда французского синолога Дж. Каллери (1820-1862) «Systema Phonicum Scripturae Sinicae» (Макао, 1841 г.).

Особая ценность манускрипта для современного исследователя заключается в возможности сопоставить и проанализировать на примере его содержания механизмы формирования различных подходов к интерпретации ключевых особенностей китайского языка (фонетическое устройство, принципы иероглифической записи, поиски оптимальной структуры словаря): оригинальные идеи Каллери шли вразрез с известными европейской синологии того времени описаниями китайского языка, в то время как Бичурин отстаивал классическое словарное устройство, опираясь на многовековой опыт собственно китайской филологии.

Интересно, что двадцатью годами позже другой выдающийся русский китаевед В.П. Васильев снова обратился к этому труду Каллери, дал ему высокую оценку и с энтузиазмом использовал при работе над своей оригинальной «Графической системой китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря» (СПб., 1867).

Все эти тексты (книга Каллери, комментарии Бичурина и работа Васильева) являют собой в высшей степени оригинальные творения, созданные авторами, обладавшими передовым научным мышлением, и предоставляют современному исследователю возможность сопоставить, в частности, основной терминологический инструментарий авторов и проанализировать, в целом, замечательные образцы теоретической полемики между представителями различных течений в синологии середины XIX в.

Лю Жомэй

**Первые словари китайского языка,
опубликованные русскими китаеведами**

В истории русского китаеведения было составлено множество словарей китайского языка. Но, в связи с тем, что китайский шрифт был малодоступен, сам процесс печатания и публикации был дорогостоящим, большая часть этих словарей не была опубликована. О первых словарях китайского языка, составленных русским китаеведами, писали советские и российские ученые, и в последнее время тенденция к изучению китайского языка в России неуклонно растет. Китайские ученые также обращают большое внимание на первые словари китайского языка в России. На эту тему работы посвященные исследованию роли в социолингвистике неопубликованных словарей китайского языка, составленных русскими китаеведами. Данная статья посвящена анализу составления этих словарей, их структуры и порядка расположения слов, роли этих словарей в истории лексикографии русского и китайского языков, проводится анализ внутренней связи этих словарей с учебниками иероглифики и фонетическими таблицами периодов Мин и Цин. В

соответствии с этим, заново оцениваются достижения русских китаеведов в составлении словарей, и их вклад в культурные контакты между Китаем и Россией.

В 1715 г. была учреждена Русская православная миссия в Пекине, называемая «Колыбелью русского китаеведения».

Русские китаисты считают «основателем русского китаеведения» руководителя Десятой Православной миссии Никиту Яковлевича Бичурина, поскольку в его период члены Пекинской миссии достигают наибольших успехов в области изучения китайского языка и других областей китаеведения. За более чем десятилетний период жизни в Китае, Бичурин составил множество словарей. К сожалению, в связи с ограниченными возможностями в то время, ни один его словарь не удалось опубликовать. В 1837 г. на Восточном факультете Казанского университета была основана Кафедра китайского языка. Это была первая кафедра китайского языка в русском университете. Ее первый и второй по счету руководители были учениками Десятой миссии. Окончивший в 1840 г. Восточный факультет Казанского университета со степенью магистра, Василий Павлович Васильев отправился в Китай вместе с XI миссией, где за более чем десятилетний период пребывания в Пекине, « В совершенстве овладел тибетским языком, изучал, санскрит, китайский и маньчжурский языки, усовершенствовал свои знания в области монгольского языка». За десять лет жизни в Китае в качестве члена Пекинской миссии, В.П. Васильев сделал наработки, которые он впоследствии использовал при составлении словаря китайского языка. В январе 1851 г. В.П. Васильев был назначен на должность профессора китайского и маньчжурского языков в Казанском университете. В 1855 г. после переезда Кафедры китайского языка из Казанского университета на Восточный факультет Петербургского университета, Васильев стал заведующим этой кафедрой. Одновременно работая на Восточном факультете и занимаясь написанием своих работ, в 1866 г. В.П. Васильев опубликовал первый в России словарь китайского языка «Графическая система китайских иероглифов- опыт первого китайско-русского словаря». В 1869 г., после возвращения из Китая XIV Миссии, ее ученик Д.А. Пешуров стал преподавателем Санкт-Петербургского университета. Он преподавал китайский язык, общее китаеведение и другие дисциплины. Что касается изучения китайского языка Европе и США, то в словарях китайского языка, в особенности, китайско-английских словарях, информация была уже устаревшая. Однако, в России словарь Васильева выпускался ограниченным тиражом и не был широко доступен. Для того чтобы помочь студентам Петербургского университета, а также людям, изучающим языки и интересующимся Китаем, Д.А. Пешуров, используя китайский иероглифический шрифт Петербургской Академии наук, составил и опубликовал «Китайско-русский словарь». В 1888 г., Пешуров, внося некоторые дополнения в словарь, опубликованный в 1887 г., выпустил «Дополнение к китайско-русскому словарю Д.А. Пешурова». Пешуров добавил еще 52 словарные статьи, а также упорядочил словарные статьи в соответствии с чтением, добавил словарный указатель и список опечаток. Словарь Пешурова содержал, в общей сложности, 4997 иероглифов. В 1891 г. Пешуров, продолжив дополнять иероглифическую систему В.П. Васильева, опубликовал в Санкт-Петербурге еще один китайско-русский словарь- «Китайско-русский словарь.(по графической системе.) Д.А. Пешурова экстраординарного профессора императорского С.-Петербургского университета. СПб. 1891.» в помощь по изучению китайского языка на Восточном факультете Петербургского университета.

Во второй половине XIX в. отношения Китая с другими странами усложнились. Количество русских, проживавших в Китае увеличилось. Поскольку после заключения Тяньцзиньского договора в 1858 г. дипломатическая деятельность Русской православной миссии была прекращена, религиозная сфера деятельности стала для нее основной. Главный священник XIV миссии Исаяя Поликин добился значительных успехов в миссионерской деятельности на китайском языке. С целью облегчения общения с простыми китайцами, Исаяя Поликин, в 1867 г. опубликовал «Словарь русского и китайского просторечий» (Русско-китайский словарь разговорного языка (Пекинского

наречия)). «Этот словарь, на протяжении многих лет, являлся книгой, непременно использовавшийся при начальном этапе изучения китайского языка, являлся обязательным пособием в руках русских путешественников, приезжавших в Китай. И поэтому, самые первые издания этого словаря были очень быстро скуплены». Переводчик Русского посольства Павел Степанович Попов (в 1886 г. ставший русским консулом), в связи с труднодоступностью словаря Исаяи Поликина, в 1879 г. опубликовал «Русско-китайский словарь, составленный первым драгоманом». Сотрудники русского посольства, в числе которых были «Гуй Жун, Такшнин, Гэн Шань, Ван Сигэн и Ван Жудяо оказывали помощь в копировании иероглифов», и тщательно его систематизировали. Целью составления данного словаря являлась систематизация лексики, использовавшейся русскими и китайцами в повседневном общении, и он насчитывал, в общей сложности, около 15000 слов, который были взяты из словаря Исаяи Поликина с сохранением их значения.

В процессе работы над «Русско-китайский словарем», П.С. Попов использовал весь опыт составления словарей. В период с 1882 по 1888 гг. П.С. Попов занимался систематизацией рукописи словаря китайского языка, написанной архимандритом Палладием (П.И. Кафаровым), который был озаглавлен как «Фонетический китайско-русский словарь»(汉俄合璧韵编), и напечатан в 1888 г. в Пекине. В России этот словарь считается первым высококачественным словарем китайского языка, аккумулировавшем в себе все знания Кафарова, важнейшей его работой за последние восемь лет жизни в Пекине. По сравнению с другими словарями китайского языка, составленными русскими авторами, запас словаря Кафарова значительно шире. Этот словарь составлялся не только с целью преподавания китайского языка, но и для того чтобы помочь русским людям узнать «эту древнюю, необыкновенную и могущественную страну».

Со второй половины по конец XIX в. и начало XX в., присутствие Западных стран в Китае усилилось и в связи с этим, в жизни русских в Китае языковой вопрос вновь вышел на передний план. С целью разрешения этого вопроса, начальник XVIII миссии Иннокентий, используя словарь Кафарова, а также «Китайско-английский словарь», составленный британским дипломатом Джайлзом и другие наиболее крупные словари, в 1909 г. выпустил в Пекине «Китайско-русский словарь».

В 1914 г. Иннокентий систематизировал «Китайско-русский словарь» и, в том же году, составил «Карманный китайско-русский словарь».

Русская православная миссия в Пекине за примерно триста лет своего существования, составила множество словарей китайского языка. Те несколько словарей, которые были перечислены выше, являются лишь той частью, которой посчастливилось быть опубликованной. В опубликованной в 1838 г. Н.Я. Бичуриным «Китайской грамматике» была впервые использована русская транскрипция китайских иероглифов. П.И. Кафаров в своем «Фонетическом китайско-русском словаре» переработал систему транскрипции Бичурина, заложив тем самым основу для «Стандартной русской транскрипции китайского языка». В опубликованном в 1955 г. «Китайско-русском словаре» под редакцией И.М. Ошанина и опубликованном в 1983-1984 гг. «Большом китайско-русском словаре» использовалась данная фонетическая система.

1. Маленькие словари, преобразованные в двуязычные словари.

Как показывают исследования в области составления словарей, словари двуязычного типа зависят от цели (их составления); существуют словари, помогающие разобраться в структуре предложения оригинального языка; есть словари, позволяющие дать характеристику оригинальному языку; есть словари, предназначенный для перевода. Первые словари китайского языка, составленные русскими авторами, в соответствии с целью, с которой они были составлены, относятся к третьему типу. Исходя из этого, становится очевидно, что словарь В.П. Васильева и два словаря Д.А. Пещурова составленные для преподавания китайского языка на Восточном факультете Петербургского университета и выпущенные ограниченным тиражом, относятся к одному

типу. Словарь Исаяи Поликина был составлен с целью налаживания контакта между русскими и китайцами и находившиеся в Пекине миссионеры стали внедряться в повседневную жизнь китайцев. Словарь, составленный П.С. Поповым, также был предназначен для общения китайцев и русских в повседневной жизни. Несмотря на то, что Словарь Иннокентия был напечатан в Пекине, он был предназначен для удовлетворения нужд ограниченного числа русских, приезжавших в Пекин, и поэтому, тираж его был также небольшим. Он обладал простой структурой.

2. Большие комплексные словари, включающие себя описание языка или энциклопедические словари.

Исследование словарей П.И. Кафарова, П.С. Попова и Иннокентия показывает наличие в них обширного количества лексики по истории и культуре Китая и описание историко-культурных различий между Россией и Китаем, и культурных различий между языками, что значительно увеличивало роль таких словарей. Также, в словарных статьях обозначается грамматическое значение слова, и основное значение. Что касается больших русско-китайских (китайско-русских) словарей, то существует много китайских терминов, к которым невозможно подобрать эквиваленты в русском языке. Эту проблему можно решить только путем комментариев и пояснений. Словарь Палладия вообрал в себя глубокие знания о китайском языке и китайской культуре, полученные за период его многолетнего пребывания в Пекине. Поэтому, многие китаеведы последующих поколений называют этот словарь «Энциклопедия китайской культуры».

Порядок слов в первых словарях китайского языка, составленных русскими авторами демонстрирует культурную связь Китая и России.

1. Порядок в соответствии с русским алфавитом, в сочетании с таблицей из 214 иероглифических ключей.

Как показывают современные исследования в области составления словарей, «порядок слов, выстроенный в соответствии с алфавитом языка-оригинала, является основой структуры двуязычных словарей». Первые в России словари китайского языка, с одной стороны, как это ни странно, демонстрируют наличие этой системы. Не только в русско-китайских словарях Поликина и Пещурова слова расположены по русскому алфавиту, в китайско-русских словарях Палладия, Пещурова и Иннокентия порядок слов также расположен в соответствии с русским алфавитом. Однако, у всех этих словарей было приложение в виде таблиц иероглифических ключей. Большая часть словарей китайского языка, составленных иностранцами, была устроена по такому же принципу.

2. Принципы комбинирования иероглифов из ключей и принципы группирования слов по основным иероглифическим чертам.

В китайских иероглифических словарях действует три принципа расположения слов: по значению, произношению и по форме. Первые два типа связаны с идентификацией иероглифа по значению и чтению. Для нахождения незнакомого иероглифа возможен только поиск по форме. Для иностранцев, изучающих китайский язык, система поиска иероглифов по форме является весьма эффективной. В словаре, члена XIV Православной миссии в Пекине Д. А. Пещурова и его продолжении, выпущенных соответственно в 1887 и 1888 гг., иероглифы были сгруппированы по 214 ключам. В словаре Пещурова ключи сгруппированы в порядке уменьшения количества черт. Он включал в себя, в общей сложности, 4997 иероглифов (примерно количество литер, использовавшихся в Типографии Академии наук), и позволял читателю найдя иероглиф по его форме, узнать его значение.

В.П. Васильев усовершенствовал эту систему. В ней также используется 214 ключей, и она является логическим продолжением системы поиска иероглифов по их форме, заложенной еще в словаре «Шовэнь цзецзы» (说文解字).

Следует отметить, что принцип поиска слов в словаре по форме не является сугубо китайской особенностью. Первыми крупными словарями русского языка, составленными в России, являются «Словарь Академии наук», работа над которым велась с 1789 по 1794

гг. и «Большой толковый словарь русского языка» В.И. Даля, составленный в 1863-1866 гг. В них слова были сгруппированы не только по алфавиту, но и по корням, образуя «родственные слова». В.И. Даль считал, что такой принцип группирования слов позволяет лучше понять значение слов.

Мартынов Д. Е., Валеев Р. М.

Пекинский период жизни В. П. Васильева в материалах Государственного архива Республики Татарстан*

Пекинский период жизни и деятельности В.П. Васильева (1840 – 1850) по ряду причин остается одним из наиболее слабо изученных в его научной биографии. Между тем, именно на пекинское десятилетие пришлось его становление как выдающегося востоковеда-универсала, в первую очередь – специалиста по буддологии и широчайшему спектру китаеведческих дисциплин, знатока таких несхожих языков, как китайского, маньчжурского, монгольского, тибетского, санскрита. Фонды Национального архива РТ, отчасти, способны восполнить этот недостаток. Основной массив материалов по пекинской командировке В.П. Васильева (в составе XII духовной миссии) содержится в двух делах. Во-первых, «О командировании и пребывании магистра Васильева В.П. в Китае с Пекинской духовной миссией» (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283) и, во-вторых, «Об отправлении студентов Казанского университета Васильева, Навроцкого и Рушко в Пекин для изучения китайского, монгольского и маньчжурского языков» (НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814). Оба дела содержат многообразные документы, сгруппированные в хронологической последовательности.

Основной целью командирования В.П. Васильева в Пекин было «усовершенствование его в тибетском и санскритском языке», поскольку попечитель Казанского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин (1795–1862) принял решение об открытии на Восточном разряде (1-м отделении философского факультета) кафедры тибетской словесности, в дополнение к имеющимся монгольской и китайско-маньчжурской. К тому времени магистр Васильев в совершенстве владел монгольским языком и определенно имел представление о китайском, и деятельно занялся изучением основ тибетского литературного языка. Для этих целей О.М. Ковалевский связался с библиотекой Императорской Академии наук и выписал для своего ученика грамматику и словарь Чома де Кёреши (1784–1842), опубликованные в Калькутте в 1834 г., а также немецкие грамматики и словари санскрита – все эти книги были новейшими для того времени, изданными в 1830-е годы. В список включили и тибетскую грамматику Я.И. Шмидта, только что вышедшую в свет.

О.М. Ковалевский составил «наставление» студенту Духовной миссии Васильеву. Вообще, набор документов, отражающих подготовку командировки В.П. Васильева, позволяет в известной степени характеризовать метод академических экспедиций. В «наставлении» много места занимают не только требования и пожелания к изучению разговорной и литературной форм разных восточных языков, но и вопросы истории и этнографии. В частности, В.П. Васильеву было поручено попытаться выяснить «достоверные исторические показания, к какому именно племени принадлежал каждый из средне-азиатских народов», что было связано с возникшей в 1820 – 1830-х гг. полемике о населении древней Монголии, поскольку представители парижской школы востоковедения считали его тюркским, тогда как крупнейший представитель российской синологии о. Иакинф (Бичурин, 1777 – 1853) – монгольским, только менявшим наименования в течение веков. Тибетские и санскритские штудии В.П. Васильева

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ, 17-01-00209/17-ОГОН. «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев».

увязывались с дальнейшим изучением философии буддизма, а также закупкой необходимой литературы – в том числе полных изданий тибетского канона (по-монгольски: Ганчжура и Данчжура). Помимо инструкции по историческим и филологическим дисциплинам, в деле об отправлении В.П. Васильева в Пекин содержались подробные «Наставления для собирания и сушки растений» и «Наставление, как собирать млекопитающих животных и птиц», последнее было подписано профессором Э. Эверсманом.

Обо всех возникающих обстоятельствах В.П. Васильев должен был регулярно отчитываться. Методы планирования и составления научной программы, опробованные в командировке В.П. Васильева, в дальнейшем сделались стандартными в практике Императорской Академии наук и российских университетов.

Подход В.П. Васильева к возложенной на него задаче был чрезвычайно последовательным и фундаментальным. Судя по переписке канцлера К. Нессельроде и министра народного просвещения С.С. Уварова, когда в 1841 г. в Пекине для Васильева наняли буддийского монаха, пользующегося известностью знатока тибетского языка, оказалось, что он уступал в знании языка студенту миссии, и ему было отказано. Только через два года удалось пригласить из Монголии монаха, долго жившего в Тибете и обладавшего необходимыми познаниями и квалификацией. К 1844 – 1845 гг., в связи с новыми поручениями из Петербурга и Казани, В.П. Васильев деятельно занялся изучением китайского и маньчжурского языков и закупкой соответствующей литературы, в том числе полного собрания официальных династических историй. Васильев указывал на несовершенство присланного ему книжного списка, в котором не были указаны три важнейшие энциклопедии династии Сун (960–1279) – *Тун-чжи*, *Тун-дянь* и *Вэнь-сянь тун-као*. Ко времени получения из Петербурга указаний, эти энциклопедии были им уже приобретены и даже с продолжением (*Сюй-сань тун*), доведённым до конца династии Мин (1368–1644).

В. Васильев писал в отчёте, что не занимался маньчжурским языком, но спрашивал у попечителя, угодно ли ему, в виду учреждения кафедры маньчжурской словесности, приобретать книги и на этом языке, указывая, что со временем они становятся реже и дороже, и изначально маньчжурский перевод стоил дороже китайского подлинника. Поскольку полный комплект Ганчжура и Данчжура так и не был приобретён, архимандрит Поликарп по просьбе Васильева в январе 1844 г. обратился в Лифаньюань (Палату внешних сношений) с просьбой отпечатать для миссии копию этих сводов по ксилографическим матрицам, хранящимся в Пекине. Ко времени написания отчёта ответа на эту просьбу не поступило.

20 ноября 1844 г. О.М. Ковалевский направил в Пекин письмо, в котором выражал своё и попечителя удовольствие от содержания мартовского отчёта. Там же указывалось, что начальство не стесняет Васильева в выборе закупаемых книг, всецело полагаясь на его «познания и вкус к литературе». К письму прилагалась просьба расширить ассортимент маньчжурских книг, и прилагался список пособий, необходимых для занятий студентов, на китайском и маньчжурском языках, а также просьба приобрести тибетские сочинения, изданные за пределами Пекина, а также книг, касающихся Туркестана.

После возвращения в Казань в 1850 г., В.П. Васильев составил роспись приобретённых в Пекине печатных и рукописных сочинений, заглавия которых не раскрыты, дана лишь классификация («буддийские», «даосские», «по части земледелия» и так далее) с разбивкой по языкам: «Книги на китайском языке», «на маньчжурском», «на маньчжурском с китайским», «на нескольких языках», и прочее. Количество их указано по «главам», то есть имелись в виду китайские книжки-бэни, из которых составлялись объёмные сочинения. Больше всего оказывалось исторических сочинений на китайском языке – 445 «глав», далее – географических (272) и буддийских на том же языке (236 глав). Отдельно упоминались иллюстрированные издания (16 глав). Религиозных сочинений на тибетском языке было заявлено 304 главы. Всё перечисленное было оценено в сумму

3994390 медных чохов. В отчёте историко-филологического факультета упоминались и научные успехи командированного. Им были подготовлены фундаментальный тибето-санскритский словарь буддийской лексики, переводы материалов для истории буддизма в Индии и Тибете, а также в Монголии и в Китае. В области истории и географии Китая упоминалось следующее:

1. Перевод «Описания Западных стран» (Си-юй-цзи) Сюань-цзана, буддийского патриарха VII века;
2. Географические карты китайских династий, необходимые для работ в области исторической географии Китая и Туркестана (некоторые образцы сохранились в деле);
3. «Сведения о киданях»;
4. «Сведения о чжурчжэнях»;
5. «Сведения о монголо-татарах»;
6. «Сведения о Нингуге», все почерпнутые из китайских источников.

Сохранившиеся в Казани архивные материалы, при всей их разнородности, интересны как хронологически представленное целостное собрание документов, в котором могут причудливо смешиваться купленные у частных лиц подарки для пекинских чиновников и труды по поиску редких буддийских сутр на тибетском языке. Учитывая слабую изученность пекинского десятилетия в биографии В.П. Васильева, в том числе научной биографии, предыстория так и не реализованной кафедры тибетского языка может быть органично встроена в историю российского востоковедения.

Маяцкий Д.И.

**Вклад акад. Васильева В.П. в формирование фонда редких китайских книг
Научной библиотеки Петербургского университета и
изучение истории книжных поступлений**

В отечественной науке выходило немало публикаций, посвященных многогранной научной деятельности академика В.П. Васильева. В частности, в статьях Васильева Л. С., Смолина Г. Я., Шастина Н. П., Завадской Е. В., Хафизовой К. Ш., Илларионова В. Т., Скачкова П. Е., Волковой М. П., Гончарова С. Я, Мальцевой Е. В., Патрушева М. А., Пубаева Р. В., Самойлова Н. А., Семенас А. Л., Сорокина Ю. А., Торчинова Е. А., Хохлова А. Н. отмечаются выдающиеся заслуги академика в изучении истории и литературы Китая, китайского языка, буддизма, даосизма, конфуцианства, археологии, экономики, географии, внешней политики Китая, отдельных китайских регионов и т.д.; особо говорится о вкладе ученого в маньчжуроведение, монголоведение и тибетологию.¹ Все это факты достаточно

¹ История и культура Китая. Сб. памяти акад. В. П. Васильева / отв. ред. Л. С. Васильев. – М.: Наука, 1974; Илларионов В. Т. Русский синолог В. П. Васильев. Горький: Горьковский гос. университет, 1959; Волкова М. П. История и конфуцианство – два раздела маньчжурской литературы. [В. П. Васильев как один из первых исследователей маньчжурской литературы] // 22-я НКОГК. Ч. 3. – М.: Наука, 1991. С. 69–88; Гончаров С. Я. «Цзинь чжи» (Описание государства Цзинь) в переводе В. П. Васильева (К оценке источника и перевода) // 22-я НКОГК. Ч. 3. – М.: Наука, 1991. С. 188–198; Кожин П. М. «Шёлковый путь» и кочевники (Некоторые вопросы средневековой этногеографии Центральной Азии) [Значение трудов В. П. Васильева] // 22-я НКОГК. Ч. 3. – М.: Наука, 1991. С. 31–43; Кычанов Е. И. «Маха праджня парамита» сутра на тангутском языке. [Значение трудов В. П. Васильева для изучения буддийского канона] // 22-я НКОГК. Ч. 3. – М.: Наука, 1991. С. 55–63; Мальцева Е. В. В. П. Васильев как исследователь китайской литературы // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 4. – Улан-Удэ, 1970. С. 9–11; Мартынов А. С. Идеологическая полемика в начале эпохи Тан и её место в истории религий Китая. [Работа В. П. Васильева «Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм»] // 22-я НКОГК. Ч. 3. – М.: Наука, 1991. С. 3–21; Машкина Н. И. Научная сессия, посвящённая 150-летию со дня рождения В. П. Васильева // НАА. 1968. № 4. С. 239–241; Никольская С. В. «Очерк истории китайской литературы» В. П. Васильева и роман У Чэньэня «Путешествие на Запад» // 22-я НКОГК. Ч. 3. – М.: Наука, 1991. С. 44–55; Патрушева М. А. О трудах В. П. Васильева по истории Маньчжурии // 17-я НКОГК. Ч. 2. – М.: Наука, 1986. С. 191–192; Пубаев Р. Е.

широко известные, благодаря доступным сейчас многочисленным опубликованным и неопубликованным трудам академика.²

Тем не менее, хочется обратить внимание исследователей жизни и деятельности академика на еще одну сферу его научных интересов, которая еще не становилась объектом специального исследования, несмотря на то, что упоминания о ней содержатся в публикациях В. Л. Успенского, Е. А. Завидовской и Д. И. Маяцкого³. Речь идет об увлечении Василия Павловича проблемами истории формирования фонда книг на отдельных восточных языках (включая, китайский, монгольский, маньчжурский и тибетский), хранящихся в Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ. А также о его непосредственном участии в расширении данного фонда. При этом основной упор мы будем делать на китайскую составляющую фонда.

По интересующему нас вопросу В.П. Васильевым было подготовлено и издано два бесценных труда – обширная статья «Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете»⁴ и каталог китайских книг, собранных академиком, в «Материалах по истории китайской литературы. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета» (1888). Первая работа содержит важнейшие сведения по истории комплектования китайского фонда СПбГУ. Вторая – представляет собой список книг, привезенных академиком из Китая с аннотациями к ним и указанием шифров. Значение обоих трудов переоценить невозможно.

Из содержания «Записки» Василия Павловича видно, что основание китайской коллекции СПбГУ положил О.М. Ковалевский (1801-1878), передавший в 1833 г. Казанскому университету собрание привезенных им из путешествия книг, в числе которых, согласно В.П. Васильеву, были «две или три книги на маньчжурском и китайском языках»⁵. Владимир Леонидович Успенский установил, что в реальности О.М. Ковалевский привез восемь книг на китайском языке, шифры которых известны⁶.

Академик В. П. Васильев – первый исследователь тибетской исторической литературы в России // Востокведные исследования в Бурятии. – Новосибирск, 1981. С. 62–78; Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818–1900) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. – М.: Наука, 1956. С. 234–340; Самойлов Н. А. Публицистика академика В. П. Васильева и некоторые вопросы общественно-политического развития Китая второй половины XIX века // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 11. – Л.: ЛГУ, 1988. С. 172–190; Семенов А. Л. Значение трудов В. П. Васильева по китайской лингвистике // 22-я НКОГК. Ч. 3. – М.: Наука, 1991. С. 89–105; Сорокин Ю. А. Академик В. П. Васильев как маньчжуровед // Восточная филология. Характерологические исследования. – М.: Наука, 1971. С. 213–219; Торчинов Е. А. Труды В. П. Васильева и актуальные проблемы изучения даосизма // 22-я НКОГК. Ч. 3. – М.: Наука, 1991. С. 22–31. Хохлов А. Н. Внешняя политика цинского Китая в публикациях В. П. Васильева (К 175-летию со дн. рожд.) // 25-я НКОГК. – М.: Наука, 1994. С. 276–283; Хохлов А. Н. В. П. Васильев о Кяхте и кяхтинской торговле (из эпистолярного наследия русского востоковеда) // 13-я НКОГК. Ч. 2. – М.: Наука, 1982. С. 224–240; Хохлов А. Н. Пекинский дневник В. П. Васильева // 22-я НКОГК. Ч. 3. – М.: Наука, 1991. С. 208–221.

² Список трудов В. П. Васильева смотрите в статье «Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В. П. Васильева, по данным Азиатского музея Академии Наук СССР» С.А. Козиной в «Известиях Академии Наук СССР» за 1931 г. (стр. 759-774).

³ Некоторые сведения о данном научном увлечении академика можно почерпнуть в следующих публикациях: Завидовская Е. А., Маяцкий Д. И. Описание собрания китайских книг академика В. П. Васильева в фондах Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Студия НП-Принт, 2012; Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ / Под ред. В. Л. Успенского. Сост. Илюшина М.Ю., Султанов Т.И., Фейн Е.И., Маяцкий Д.И., Торопыгина М.В., Троцевич А.Ф., Гурьева А.А., Успенский В.Л. СПб.: Филологический ф-тет СПбГУ, 2014.

⁴ Васильев В. П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете // Русский вестник (Современная летопись Русского вестника). Т. 11. Москва: Типография Каткова и Ко, 1857. С. 305-343.

На первой странице статьи академик пишет, что она печаталась им также на французском языке в записках Российской Академии Наук (*Melanges asiatiques*. t. II 25 Janvier 1856) и в парижском журнале *Institut* (1857, №№253, 254 и 255).

⁵ «Записка», с. 321. См. также: Китайские рукописи и ксилографы // Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ / Под ред. В. Л. Успенского. СПб., 2014. С. 75.

⁶ См.: Китайские рукописи и ксилографы, с. 75.

Василий Павлович пишет, что затем, когда в 1837 г. при Казанском университете была открыта кафедра китайского языка, отец Ахримандрит Даниил (Д.П. Сивиллов, 1798-1871), состоявший с 1837 по 1844 г. в ее штате профессором, продал университету за 4000 руб. свои китайские книги⁷. Его собрание книг по большей части состояло из рукописей и ксилографов, посвященных китайской классике, а также философии и христианству. Причем, академик высказывает важное предположение, что коллекция о. Даниила могла быть составлена из книг иезуитов-миссионеров, передавших свое имущество русской духовной миссии в его бытность в Пекине⁸. Этим можно объяснить наличие в настоящее время в библиотеке СПбГУ немалого количества книг, содержащих символику Общества Иисуса или имеющих католическое содержание (например, книга под шифром Хул. 173).

Через несколько лет после того случая (видимо, после 1843 г.), как утверждает академик, в библиотеку поступили книги от «покойного» Алексея Сосницкого (ум. в 1843 г.),⁹ состоявшего причетником при той же Десятой миссии (1821-1830), в которую входил о. Даниил.

С 1840 по 1850 г. в Пекине находился сам В.П. Васильев. Он приобрел книг в общей сложности на сумму 5000 руб. серебром.¹⁰ Все они были переданы библиотеке в 1851 г.: «За один раз, с вывозом всех купленных мною книг, в 1851 году, библиотека нашего университета не только сравнилась со всеми своими соперницами, но и может быть превзошла их своей полнотой»¹¹. Академик признается, что собирал книги, следуя определенному принципу: «Цель, которую я имел в виду при приобретении книг, была та, чтобы сделать нашу библиотеку как можно полнее и снабдить ее материалами во всех родах литературы».¹² Немалый интерес для современников может представлять описанная Васильевым стратегия покупки или переписки книг. Если участники прежних миссий покупая книги, как правило, переплачивали деньги, так как обращались к одним и тем же продавцам, а за каждый переписанный иероглиф платили чох, то Василий Павлович сбивал цену, обращаясь в различные лавки, а за переписанный иероглиф отдавал 1/10 чоха¹³. Много сил и энергии тратилось на то, чтобы преодолеть постоянные обманы продавцов книг, норовивших не только продать подороже, но также подсунуть неполные или бракованные издания. Каждый миссионеры совершали обходы книжных лавок Люличана в поисках новых редких поступлений, потому что ассортимент книг обычно был не столь вариативным и ориентировался на спрос китайских книжников, нуждавшихся в более менее одинаковой литературе, тогда как В.П. Васильева волновало прежде всего разнообразие: «... чтобы приобрести большую часть лучших сочинений, непременно нужно выждать случая их появления; некоторые из них были печатаемы за двести лет пред сим; большая часть принадлежит прошлому столетию...; следовательно надобно было выждать случая, когда какой-нибудь обедневший ученый продаст то или иное сочинение в лавки, где тотчас же могли перехватить их другие перекупщики, а иныя книги не появлялись и одного разу во все десять лет...».¹⁴

Перечень 207 китайских книг, привезенных В.П. Васильевым из Пекина, равно как и их тематический обзор можно посмотреть в «Описании собрания китайских книг академика В. П. Васильева в фондах Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета».¹⁵

⁷ «Записка», с. 321.

⁸ Там же, с. 322.

⁹ Там же, с. 322.

¹⁰ Там же, с. 322.

¹¹ Там же, с. 322.

¹² Там же, с. 323.

¹³ Там же, с. 324.

¹⁴ Там же, с. 325.

¹⁵ Завидовская Е. А., Маяцкий Д. И. Описание собрания китайских книг академика В. П. Васильева в фондах Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.:

Пока В.П. Васильев находился в Пекине, мимо его внимания не прошли поступления в библиотеку, сделанные в его отсутствие – от О. П. Войцеховского (1793-1850) и Академии Наук. Собрание бывшего врача Десятой миссии включает в себя преимущественно несколько десятков книг медицинского содержания.¹⁶ Что касается даров Академии Наук, то ими были дуплетные для библиотеки Академии издания по географии и законодательству цинской династии («Тунь-чжи» и «Дай-цин-хой-день»¹⁷).

После возвращения академика из Пекина до момента написания «Записки» новых поступлений академиком отмечено не было.

Пан Т.А.

В.П. Васильев как преподаватель маньчжурского языка*

Отправляясь в Китай в составе Девятой Духовной миссии, магистр Казанского университета В.П. Васильев имел задание совершенствовать свои знания языков монгольского, тибетского и санскрита. Однако уже в Троицкосавске, на границе с Китаем, он начал занятия китайским языком с преподавателем Кяхтинского училища Г.К. Крымским (1796-1861). В своем «Кратком отчете о занятиях во время десятилетнего пребывания в Пекине» Васильев пишет: «Изучением маньчжурского языка я занялся уже после знакомства с тибетским и китайским. Ныне этот язык, принадлежащий правительству, может считаться мертвым; в Пекине даже в самом дворце никто из маньчжуров по происхождению не говорит на нем от рождения; китайцы, переселенцы в Маньчжурию, изгнали его и с родины. Между тем, изучение книжного языка, как делового, сильно еще утверждено вне Великой стены, и нам неоднократно случалось встречать проезжающих из Или, Кобдо, как и из Хэйлунцзяна (Амура), равно выучившихся говорить по-маньчжурски, и даже лучше пекинских чиновников. Сверх сего из самой внутренности Китая часто являются в Пекин, и поселившись там, маньчжурский держат экзамен на степень докторантов. Литература языка, которого письменность началась только с основания династии, почти вся состоит только из переводов с китайского; но ныне эти переводы являются весьма редко, и едва ли можно ожидать больших последствий от позднейших усилий покойного Императора воскресить изучение языка своих предков. Таким образом, *для ученых этот язык не может представлять большого интереса кроме этимологического знакомства; для начинающих учиться китайскому языку он может служить пособием в чтении тех книг, которые переведены на него, по большей определенности грамматики и конструкций.* Мне не трудно было свыкнуться с этим языком по сродству его в устройстве грамматическом и в множестве слов с монгольским. Я пересматривал на нем классические книги конфуцианизма, историю Тунцзян ганьму, часть уложений и повести, и романы, переведенные с китайского, наверно и лучшие знатоки маньчжурского языка затрудняются в чтении с пониманием существующих на нем буддийских книг без навыка в чтении их на других языках. Это моя выгода.

Специально изучение маньчжурского языка для русских имеет приложение в дипломатических наших сношениях с Китаем, потому что бумаги, пересылаемые взаимно от двух правительств непременно между прочим должны писаться на маньчжурском

Студия НП-Принт, 2012.

¹⁶ Они были описаны Ли Минем и Л.П. Чуриловым. См.: Ли Минь, Чурилов В.П. Китайские рукописи и старопечатные книги по медицине в фондах Восточного отдела Научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2014. № 2. С. 259-277.

¹⁷ «Записка», с. 325.

* Работа выполнена по гранту РФФИ № 17-01-00209/17-ОГОН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О.М. Ковалевский и В.П. Васильев»

языке. Это, наверно, продолжится до конца настоящей династии в Китае, потому что для русских переводчиков было бы труднее изучение китайской письменности» (л. 67а-б).

Эта длинная цитата из Отчета магистранта В.П. Васильева, поданного Историко-филологический факультет в 1850 г., четко определяет то направление его научной и преподавательской деятельности, к которой он был вынужден приступить по возвращении из Китая. Несмотря на то, что он готовился к преподаванию тибетского языка и буддологии, такой возможности не оказалось, и ему было предложено занять место экстраординарного профессора по кафедре китайского и маньчжурского языков. Такая кафедра была учреждена в казанском университете в 1837 г., и на ней преподавали бывшие ученики пекинской Духовной миссии. К моменту возвращения В.П. Васильева скончался Осип Войцеховский (1793-1850), и преподавание было прервано, а восемь слушателей ждали нового наставника. В ноябре 1850 г. В.П. Васильев дает согласие на занятие вакантной должности и начинает готовиться к преподаванию китайского и маньчжурского языков, оставляя тибетологию, буддологию и другие интересующие его предметы на более позднее время.

Для студентов Казанского университета в свой первый академический год В.П. Васильев составляет «Программу преподавания китайского языка, истории и литературы, маньчжурского языка 1851-1852 по разряду восточной словесности». Ныне эта программа хранится в личном архиве В.П. Васильева в СПбФ АРАН, фонд 775, опись 1, ед.хр. 179 и свидетельствует о методике преподавания этих языков, учебных материалах и форме преподавания, использованной В.П. Васильевым в Казани, а затем на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета. Именно по ней В.П. Васильев вел занятия на китайско-маньчжурско-монгольском разряде Восточного факультета в течение нескольких десятилетий.

Программа маньчжурского языка более подробна, чем для преподавания китайского языка, она рассчитана на 4 года и в сокращенном виде состоит в следующем:

На 1-ом курсе (2 часа в неделю): чтение и письмо, основы грамматики маньчжурского языка по немецкой грамматике Габеленца и маньчжурской грамматике «Цин вэнь ци мэнь», перевод маньчжурских диалогов из «Цинвэнь цимэн» и глав «Амба тачинь».

На 2-м, 3-м и 4-м курсах (1ч. в неделю): перевод на русский язык из маньчжурских книг «Четверокнижье на маньчжурском языке» (Сы шу), «Священных наставлений императоров» (Эндурингэ тачихянь бэ нэйхэмэ бадарамбура битхэ), различных конфуцианских текстов, законодательных, исторически, перевод указов и глав из романа «Путешествие на запад» (Си сян цзи).

Кроме занятий маньчжурским языком, В.П. Васильев на 1-м курсе (1 час в неделю) вел занятия по истории и литературе, письменности маньчжуров, на 2-м курсе читал историю династии Цин с момента ее возникновения до утверждения в Китае и расширении границ на запад, войны с Кореей, Непалом и Бирмой; на 3-м курсе давал подробную характеристику маньчжурского языка и его место в алтайской семье языков, переводы китайской литературы, особенности устройства маньчжурского двора и церемоний; на 4-м курсе разбирал маньчжурское законодательство, особенности китайского управления, гражданские и военные учреждения.

Более того, В.П. Васильев вел дополнительный практический курс для переводчиков, который состоял в «составлении письменных извлечений из прочитанного и упражнений в переводе с русского и китайского на маньчжурский».

Следует отметить, что В.П. Васильевым был выбран правильный курс параллельной подготовки китаистов и маньчжуроведов и неразрывности этих обеих дисциплин для изучения цинского Китая, периода, когда жил В.П. Васильев и когда вся государственная переписка с Китаем обязательно велась на маньчжурском языке.

Для преподавания маньчжурского языка В.П. Васильев составил «Маньчжурскую хрестоматию для первоначального преподавания», изданную в Санкт-Петербурге в 1863. Она состоит из нескольких разделов: переводы с китайского языка классических произведений, образцы разговорного языка из маньчжурских сборников «Тангу мэйнень» и «Циньвэнь цимэн», тексты российско-китайских договоров на маньчжурском языке. Таким образом, в ней представлены основные образцы маньчжурского языка. Хрестоматия была напечатана в Типографии Императорской Академии наук, где к тому времени уже были восточные шрифты.

Немного позднее, в 1866 г., литографическим способом был издан «Маньчжурско-русский словарь, составленный для руководства студентов, Профессором Санкт-Петербургского университета В. Васильевым», содержащий 5 849 гнездовых слов, расположенных по порядку русского алфавита. В своем предисловии к словарю В.П. Васильев пишет: «Не будучи обширен, лексикон мною составленный списывался до сих пор каждым учившимся у меня студентом, конечно, не без ошибок, потому что я не могу похвастаться разборчивым почерком. Вот почему, когда Г. Студент 2-го курса Кортнев просил меня о дозволении отлитографировать этот лексикон, я не мог не согласиться на его предложение, хотя конечно, мне не хотелось бы издавать в свет труд несовершенный. Однако все же, пока мы не будем иметь лексикона лучше, и этот труд может приносить некоторую пользу». Этот словарь был первым изданным в России словарем маньчжурского языка и в течение многих лет был единственным справочным пособием по этому языку, до издания знаменитого «Полного маньчжурско-русского словаря» учеником В.П. Васильева – И.И. Захаровым в 1877 г.

В.П. Васильев оставался единственным преподавателем китайского и маньчжурского языков на всех четырех курсах китайско-маньчжурского разряда в течение 12 лет. После него на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета маньчжурский язык преподавали И.И. Захаров (1814-1885) и А.О. Ивановский (1863-1900), активно использовавшие учебные пособия своего учителя. Фактически, ученики В.П. Васильева были последними преподавателями на Восточном факультете, дававшими маньчжурский язык на регулярной основе.

Почкаев Р.

**Между двумя империями: правовое положение Кульджи
во второй половине XVIII – первой половине XIX в.
(по запискам русских путешественников)***

Интерес В.П. Васильева к Кульдже и ее значению для России и российско-китайских отношений не сводился к изучению истории этого региона и восточных источников о нем. В 1870-е гг. он опубликовал ряд концептуальных статей в российских газетах, где подчеркивал особенности статуса Кульджи и ее стратегическую важность для России и ее отношений с народами и государствами Центральной Азии. Обратившись к материалам второй половины XVIII – первой половины XIX вв., можно убедиться, что доводы В.П. Васильева имели под собой давние основания, и важность значения Кульджи для восточной политики России осознавалась задолго до восстания в Восточном Туркестане и временного присоединения Илийского края к России в 1871–1881 гг.

Настоящее исследование представляет собой анализ правового положения Кульджи со времени включения этого региона в состав империи Цин и до образования Кульджинского (таранчинского) султаната в 1860-е гг. Основными источниками являются записки российских современников, побывавших в Кульдже в рассматриваемый период.

* Исследование проведено в рамках проекта № 18-IP-01, поддержанного НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

Среди них были торговцы, дипломатические чиновники, военные разведчики, обращавшие внимание на самые разных аспекты статуса Кульджи в составе империи Цин. Наиболее важными представляются записки и отчеты казачьего атамана Г. Волошанина, секунд-майора Богданова, коллежского регистратора А.Т. Путинцева, вице-директора Азиатского департамента МИД Н.И. Любимова, поручика Ч.Ч. Валиханова.

Сведения путешественников представляют весьма большую важность для понимания особенностей статуса этого региона в международных отношениях в Центральной Азии. Российские очевидцы обращают внимание на специфику и пестроту этнического состава населения этого региона, фактически «искусственно» сформированного властями империи Цин после разгрома Джунгарского ханства и физического истребления значительной части его основного населения – ойратов. При этом этническая принадлежность, как отмечают путешественники, являлась определяющим критерием правового положения той или иной части населения: представители мусульманских народов (дунгане, таранчи) осуществляли торговую деятельность, из их числа формировалась местная администрация. Представители же монгольских племен, переселенных в Кульджу, чаще всего осуществляли военные функции, в т.ч. правоохранные, поскольку пользовались большим доверием со стороны китайских властей.

Путешественники достаточно подробно характеризуют организацию местной власти в Кульдже – китайской власти и мусульманских органов самоуправления, функции и пределы их полномочий, особенности взаимодействия между собой и при взаимоотношениях с иностранцами (дипломатами и торговцами). Отмечается российскими путешественниками противоречивый характер организации системы власти и управления в регионе, что, в конечном счете, и обусловило активное участие местного населения в мусульманском восстании 1860–1870-х гг.

Достаточно подробно, с учетом политико-правовой специфики описан российскими современниками порядок взаимодействия властей Кульджи с иностранцами – в первую очередь именно с русскими. После гибели Джунгарского ханства регион фактически оказался закрыт для иностранцев, однако китайские власти не могли не понимать его значения для торговли империи Цин с другими державами, что обусловило особый, компромиссный статус иностранных торговцев: они имели возможность попадать в Кульджу и вести там дела на основе разрешения, полученного от казахских правителей Среднего жуза. Компромисс заключался в том, что сами казахские ханы и султаны юридически являлись подданными российской империи, однако при этом нередко признавали и власть империи Цин, будучи даже интегрированными в состав ее правящей элиты с титулами ванов и гунов. И хотя во многих случаях подобный статус казахских правителей являлся причиной роста напряженности в отношениях Российской и Цинской империй, с точки зрения доступа русских в Кульджу он имел, скорее, положительное значение.

Путешественники достаточно подробно описывают регулирование торговых отношений в Кульдже, в т.ч. прохождение таможенных структур, составление описей товаров, порядок их хранения, некоторые приемы и способы, позволявшие торговцам (как иностранным, так и местным) получать больше прибыли и платить меньше налогов со своих товаров в пользу китайской администрации. Подробно характеризуется система торговых налогов и пошлин в пользу китайских властей и местного самоуправления, в которой также нашли отражение элементы как цинского имперского, так и мусульманского традиционного права.

После заключения Кульджинского договора 1851 г. между Российской и Цинской империями регион перестал быть закрытым для российских дипломатов и торговцев, и они получили законное право пребывать и вести дела в Кульдже. Юридически оно было закреплено созданием института торговых консулов в регионе. Соответственно, путешественники (в частности, Ч.Ч. Валиханов) дают характеристику значения этих

российских представителей в Кульдже, их роли и значения, возможностей влияния на политико-правовую и экономическую обстановку в регионе, особенности отношения к ним цинской администрации и местного населения.

Все эти сведения позволяют убедиться в важности Кульджи как региона-«посредника» в русско-китайских отношениях, специфике его «переходного» правового статуса и особом отношении к российским представителям со стороны местной администрации и населения. Эти факторы, а также заинтересованность русских властей и торговых кругов в поддержании и развитии торговли с Китаем именно через Кульджу способствовали формированию особого положения региона и росту влияния российских дипломатических и торговых представителей в нем. Таким образом, есть все основания считать, что Россия задолго до мусульманского восстания 1860–1870-х гг. имела стратегические (политические и экономические) интересы в этом регионе, и временное установление контроля российских властей над Кульджей в 1871 г. с целью ликвидации угрозы пограничным областям самой России являлось, в принципе, логическим следствием отношений империи с этим регионом, который и в середине XIX в. не воспринимался как часть империи Цин, а, скорее, как некоторое буферное образование. Подобный статус Кульджи, в принципе, является ярким отражением специфики международно-правовых отношений в Центральной Азии в связи с имперской политикой серьезных игроков на политической арене – Российской и Цинской империй, Джунгарского ханства и др. Порой именно длительное сохранение «переходного» правового статуса того или иного региона способствовало признанию его подконтрольности той или иной империи при условии предоставления дополнительных возможностей деятельности в нем и представителей других крупных государств. Подобные примеры дают основание для формирования новых представлений о понимании суверенитета и вассалитета в центрально-азиатских реалиях средневековья и нового времени, которые порой совершенно не вписываются в теоретические концепции, посвященные этим явлениям.

Анализ сведений российских путешественников второй половины XVIII – первой половины XIX вв., следовательно, является убедительным подтверждением утверждений В.П. Васильева о роли и значении Кульджи для Российской империи и о ее отношениях с империей Цин.

Успенский В.Л.

Малоизвестные аспекты научной деятельности академика В.П.Васильева

Академик В.П.Васильев по образованию был монголоведом. Он был направлен в Пекин для подготовки к занятию кафедры тибетологии, которую предполагалось учредить в Казанском университете. Несмотря на то, что во время своего десятилетнего пребывания в Пекине (с 1841 по 1850 гг.) В.П.Васильев готовился стать первым российским профессором-тибетологом, волею обстоятельств по возвращении в Казань он занял китайско-маньчжурскую кафедру и стал основоположником российского научного китаеведения. И прежде всего именно в этом своем качестве он вошел в историю отечественной науки.

Между тем, его деятельность на поприще монголоведения и тибетологии, которая не прекращалась до конца его долгой жизни, не привлекала большого внимания позднейших исследователей, а то и вовсе была забыта.

Прежде всего это относится к собиранию книг на монгольском языке. В.П.Васильев имел возможность тщательно изучить коллекцию монгольских книг, ранее привезенных из Пекина его учителем О.М.Ковалевским. Стремясь дополнить эту коллекцию, В.П.Васильев собрал большое количество монгольских рукописей и

ксилографов, очень редких и уникальных. Жемчужину этой коллекцию представляет собой часть личной библиотеки маньчжурского принца Юньли (1697–1738), семнадцатого сына императора Канси (гг. правл. 1662–1722). Сам В.П.Васильев с гордостью писал об этих книгах: «Конечно, теперь во всех владениях Китайской империи, не только в остальном мире, нельзя встретить уже тех рукописей на монгольском языке, которые хранятся в нашей библиотеке». Однако тот факт, что именно В.П.Васильеву библиотека Санкт-Петербургского университета обязана приобретением этих книг, был основательно забыт.

В центре изучения монголоведов оказалась только одна книга из собрания Юньли – «Двенадцать деяний Будды» в переводе монгольского ученого ламы XIV в. Чойджи-Одсэра. Главной причиной того, что эта рукопись попала в поле зрения исследователей, стал тот факт, что она богато иллюстрирована и переписана очень красивым почерком. Она стала «визитной карточкой» монгольского фонда библиотеки СПбГУ. (Но ни одно из опубликованных исследований этого важнейшего письменного памятника не связывает его появление в России с именем В.П.Васильева!) Монгольские книги из собрания Юньли, которые представляют собой, главным образом, переводы с тибетского языка ценнейших буддийских сочинений, будут предметом изучения еще не одного поколения монголоведов.

В.П.Васильев, будучи деканом Факультета восточных языков, сыграл важную роль в деле приобретения Петербургским университетом в 1892–1894 гг. уникального рукописного Ганджура (буддийского канона) XVII в. на монгольском языке в 113 томах.

Что касается тибетологии, которая должна была стать его основным призванием, то к ней В.П.Васильев обращался постоянно. В Пекине им была собрана замечательная коллекция тибетских книг, в состав которой входит уникальное ксилографическое издание 1476 г. исторического сочинения «Светлое зеркало царских родословных» и многое другое. По его собственным словам, он, «посвящая особенное внимание на изучение тибетского языка, употреблял вместе с тем все усилия к приобретению тибетских книг: он был в сношениях с самыми значительными лицами ламской иерархии в Пекине; не пропускал случая познакомиться со всеми приезжавшими в Пекин из Тибета купцами; делал им заказы, и наконец, имел удовольствие получить значительное количество книг, напечатанных в Хласе и в ее окрестностях». Некоторые сочинения, печатные экземпляры не было возможности купить, были переписаны специально нанятыми переписчиками. В.П. Васильев собрал почти все главные сочинения по истории Тибета и тибетского буддизма и изучил их, о чем свидетельствуют его публикации и архивные материалы. Интересно, что среди его материалов была и биография первого главы буддистов Восточной Сибири бурятского ламы Заяева (1710–1776) на тибетском и монгольском языках.

Во время пребывания в В.П.Васильева в Пекине Российская духовная миссия получила в дар комплект буддийского канона на тибетском языке, который насчитывает 360 томов. Ныне он хранится ИВР РАН. Этот экземпляр буддийского канона сыграл важную роль в развитии отечественных буддологии и тибетологии, поскольку именно его использовали академик Ф.И.Щебатской и представители его научной школы.

Приобретенный в Пекине четырехязычный словарь буддийских терминов «Махавьтпатти» был переведен В.П.Васильевым на русский язык, но не издан. Но были изданы два тома его «Буддизма», основанные, главным образом, на тибетских источниках.

Уже работая в Петербургском университете, В.П.Васильев не расставался с мыслью учреждения тибетской кафедры и даже планировал лично съездить в Тибет, закрытый тогда для европейцев. При этом он планировал ехать в Тибет южным путем – через Кохинхину. В архиве В.П.Васильева среди многочисленных тибетологических материалов хранится рассчитанная на четыре года подробная программа преподавания тибетского языка, истории и литературы Тибета. Разумеется, университетская коллекция

тибетских книг должна была стать базой для реализации этой программы, рассчитанной на четыре года обучения. Как он сам писал ранее, «хотя кафедра этого языка еще не открыта при нашем университете, но мы обладаем для будущности всеми нужными материалами». В 1895 г. была напечатана последняя прижизненная книга В.П.Васильева: «География Тибета», которая представляет собой перевод с тибетского языка сочинения Минджул-хутухты, выполненный им еще во время пребывания в Пекине в 1840-е гг. Но этот перевод снабжен примечаниями, сделанными В.П.Васильевым намного позднее.

В 1892 г., за год до завершения В.П.Васильевым преподавательской карьеры, были составлены новые инвентарные книги университетского собрания рукописей и ксилографов на восточных языках. Сам главный собиратель лично проверил внесенные сведения и сделал в инвентарных книгах свои пометки и примечания. За прошедшие более чем пятьдесят лет он не забыл ни одной книги из своей коллекции.

Цветков Д.В.

Сюжет об отроке Сян То в творчестве И.К.Россохина

В Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук хранится рукопись по названию «Как некоторой мальчик переспорил великого китайского учителя Кундзы» (小兒奈夫子)- представляет собой рассказ о беседе Конфуция с мальчиком по имени Сян То (項橐, встречается также вариант написания 項托).

Сян То- легендарный персонаж, фигурирующий во многих классических китайских литературных произведениях- 7 летний мальчик, к которому, будто бы, обращался за наставлениями сам Конфуций. Его происхождение не установлено. Самое раннее упоминание Сян То встречается в тексте «Планы сражающихся царств» (戰國策), где в главе 秦策五, в разделе, повествующем о подготовке нападения Цинь на Чжао, описан диалог между Лю Бувэем и двенадцатилетним юношей Гань Ло. В этом диалоге, Гань Ло говорит, что может помочь Лю Бувэю убедить сына правителя княжества Янь присоединиться к ним и напасть на Чжао вместе. Лю Бувэй с недовольством спрашивает: «Как Вы это сделаете?». Гань Ло отвечает: «Почтенному Сян Ту было семь лет от роду, когда он стал наставником Конфуция. Мне в этом году исполнилось двенадцать лет. Почему бы Вам не дать мне попробовать, зачем просто так ругать?»

Другое упоминание встречается в «Исторических записках» Сыма Цяня (史記). Причем, Сян Ту упоминается в том же контексте, что и в «Планах сражающихся царств». Совершенно очевидно, что Сыма Цянь дословно цитирует вышеупомянутое произведение.

Сян Ту фигурирует в тексте I в. н.э. «Оценки суждениям» (論衡). «Почтенный Сян Ту, будучи семи лет от роду, наставлял Конфуция. Будучи от природы умным, он в семь лет не учился в школе, а учил Конфуция»

Сян Ту также вскользь упоминается в «Троесловии» (三字經). «В древности, у Чжунни (Конфуция) был учитель Сян Ту, древний совершенномудрый, уважавший усердную учебу».

Еще одно упоминание о Сян То встречается в тексте 春秋后語 в виде цитаты из «Планов Сражающихся царств».

Текст «Как некоторой мальчик переспорил великого китайского учителя Конфуциуса» примечателен, прежде всего, тем, что в нем впервые подробно описывается встреча Конфуция с Сян То, в то время как в во всех вышеупомянутых произведениях, описание их общения сводится только в одно предложение.

Оригинальное название данного текста звучит как «小儿奈孔子». По своему жанру, он относится к бьяньвэням. Среди дунхуанских бьяньвэней встречается три его версии. Автор версии, переведенной Россохиным, на данный момент, не установлен. Что касается

датировки, то написан он был в эпоху Сун (точную дату установить не представляется возможным). Это связано с наименованиями Конфуция, которые встречаются в этом тексте. В самом начале текста Конфуций называется Вэнь сюань ван (文宣王- сокращение от Юань шэн вэнь сюань ван 元聖文宣王)- наименование, которое было переведено Россохиным как «Священный наш учитель»- официальный титул, который был присужден Конфуцию в 1008 г. сунским императором Чжэнь-цзуном. Данный титул был упразднен в середине XVI в. минским императором Ши-цзуном, правившим с 1522 по 1566 гг. В конце текста Конфуций называется Гу шэн (古聖) что в переводе Россохина выглядит как «Древний муж священный».

По сюжету данного произведения, Конфуций увидел группу играющих детей, но один мальчик стоял в стороне. Конфуций спросил его, почему он не играет с другими детьми, и тот ему ответил, что если человек будет предаваться развлечениям, то не сможет заниматься самосовершенствованием и что игры и другие развлечения отнимают у человека время¹.

После этого Конфуций задал ему множество других вопросов: «какой огонь без дыму, какая вода без рыбы, какая гора без камня, какое дерево, без ветви, какой человек не имеет жены, какая жена не имеет мужа, какая корова не родит телят, какая кобыла не родит жеребят, в каком городе нет торжища, какой человек не имеет прилагательного имени когда чего мало, когда чего много. Ответствовал ему мальчик, огонь которой находится в мушках ночью светящих не имеет дыму. Колодец не имеет рыбы, земляная гора без камней, Старое засохшее дерево без листьев, ангелы не имеют жен, небесные девицы не имеют мужей. Глиняная корова не родит телят, деревянный конь не родит жеребят, в среднем императорском городе не имеется торжища, неблагополучный человек не имеет прилагательного имени, зимой солнечного сияния мало, а летом солнечного сияния много...». После этого мальчик сам спросил у Конфуция «...у лягушки шея короткая, а для чего она имеет голос громкий, на что Кундзы также ответить не мог. Мальчик опять его спросил, много ли на небе находится светлых звезд. Ответствовал ему Кундзы я с тобой ступил в простые разговоры, но ты для чего приступаешь к высоким и спрашиваешь оные. Мальчик: когда ты намерение имеешь разговаривать о простых вещах, то скажи мне сколько у тебя в бровях имеется волос. Кундзы: видя себя побежденным, тот час слез со свое коляски и отдал оному мальчику обыкновенной поклон»².

Данный рассказ заканчивается словами: «Не обижай малолетних острого ума детей, бывает в них много мудрых выше всех людей, между рассуждениями разных светских дел, иногда показал себя древний муж священный».

Среди дуньхуанских бяньвэней встречается три его версии, которые в незначительно степени отличаются друг от друга.

Второй вариант бяньвэня по содержанию более близок версии, которую переводил Россохин, и мало чем от нее отличается.

Рукопись этого труда трехязычна: текст приводится на русском, китайском и маньчжурском языках. Текст был переведен на русский язык в 1745 г.

В заключении можно отметить, что перевод данного произведения, выполненный Илларионом Россохиным, представляет серьезный научный интерес, т.к. хотя в китаеязычной среде данный сюжет пользуется значительной популярностью, в российской синологии он практически неизвестен, и данная рукопись является единственной на русском языке подробной интерпретацией данной истории.

Причины, по которой Россохин решил перевести данное произведение, могут быть разные: он мог использовать его оригинальный китайский вариант, а также маньчжурский и русский переводы в качестве учебного пособия в школе, в которой он преподавал.

¹ СПбФА РАН. Р.1. Оп.2. Д.112. Л.1.

² СПбФА РАН. Р.1. Оп.2. Д.112. Л.14.

Также он мог решить, что эпизод встречи Конфуция с Сян То имеет важное место в конфуцианской традиции. Также вполне вероятно, что Россохин мог перевести этот бьяньвэнь чисто из любопытства к истории, где 7-летний ребенок наставляет уже взрослого, состоявшегося мыслителя Конфуция.

Чэнь Шэннань

Сравнение двух переводов книги «Сань цзы цзин», сделанных в кругу И.К. Россохина

Книга «Сань цзы цзин», или «Троесловие», – это книга, с которой началось обучение в школе в древнем Китае на протяжении сотен лет. Большинство ученых считают, что она была создана при династии Южная Сун, но до сих пор идет спор о том, кто является ее автором.¹ В книге содержатся базовые знания о китайской культуре, философии, истории, образовании, морали, географии и т. д. По структуре текста книга напоминает о ритмизованной прозе. Каждая строка состоит из трех иероглифов, и каждые четыре строки образуют строфу. Благодаря этому книга очень подходит для изучения иероглифов и овладения базовыми знаниями. Поэтому «Сань цзы цзин» стала одним из главных учебников для начального этапа школьного образования. Ее заучивали наизусть.²

В течение нескольких сотен лет при сохранении структуры текста содержание в разные времена редактировалось и обновлялось, в связи с чем дошли до нас несколько версий книги, отличающихся между собой в основном объемом текста (1044, 1050, 1056, 1068 и 1086 иероглифов) и содержанием об истории.³

Начиная с XVI века в Китай приезжали миссионеры из западных стран, в том числе и русские. Они использовали «Сань цзы цзин» для изучения китайского языка и перевели на разные иностранные языки. В конце XVI века миссионер из Италии Ло Минцзянь (Микеле Руджели, 1543-1607) сделал первый перевод «Сань цзы цзин» на латинский язык.⁴ После него появились и переводы на другие языки, такие, как на английский, немецкий, и на русский. Один из первых переводов на русский язык сделал Илларион Калинович Россохин, чей перевод не был издан. Затем книга была неоднократно переведена и были изданы переводы Алексея Леонтьевича Леонтьева (ученика 4-й миссии) и Иакинфа Бичурина.⁵

Россохин был учеником 2-й духовной миссии в Пекине. Он учил китайский и маньчжурский язык в Пекине в 1729-1741 гг. Вернувшись в Россию, он был направлен в Академию наук для перевода и преподавания китайского и маньчжурского языков. В 1741-1751 гг. при Академии наук работала школа китайского и маньчжурского языков, где Россохин обучал 4 ученика китайскому и маньчжурскому языкам. Из рапортов его учеников известно, что в этом процессе Россохин использовал Сань цзы цзин в качестве учебника.⁶

В Отделе рукописей БАН хранятся 2 рукописи с переводом этой книги:

1. «Сань дзы гинь или нравоучительных речей трисловная книга» (в дальнейшем – А). Шифр: БАН 17.5.22. 28 листов. На л.1 название книги, л.28 пустой, а на л.2-27 – перевод на русский книги «Сань цзы цзин». Подпись не поставлена.

2. «Китайская книга Сан дзы гин, то есть трисловное нравоучение, содержащее себе краткую историю» (в дальнейшем – Б). Шифр: БАН. 17.16.19. 46 листов. В рукописи

¹李良品. 《三字经》的成书过程与作者归属考略 // 社会科学家. № 5. 2004. С. 156–160.

²赵凤玲. 《三字经》的西译历程——兼谈中国文化走向世界的现实途径 // 文化学刊. № 11. 2015. С. 132–138.

³李健明. 《三字经》主要版本内容研究 // 学术研究. № 8. 2008. С. 125–129.

⁴赵凤玲. 《三字经》的西译历程——兼谈中国文化走向世界的现实途径 // 文化学刊. № 11. 2015. С. 132–138.

⁵伍宇星. 《三字经》在俄国 // 学术研究. № 8. 2007. С. 110–115.

⁶Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения / Скачков П.Е. – М.: 1977. – 503 с. 46 с.

представлен текст на трех языках – на маньчжурском, китайском и русском. На одной стороне листа расположены тексты на двух языках: сверху текст на маньчжурском и снизу текст на китайском. На обороте листа – перевод на русский. В конце китайского текста на л.46 на китайском языке написано «罗锁馨翻», что означает «переведен Россохиным». Поэтому можно определить, что перевод в этой рукописи выполнен Россохиным.

До нас дошли рукописи, в которых есть подпись Россохина, например: «Школьные простыя манджурского и китайского языков разговоры» (БАН. 32.7.17). Это дает нам представление о почерках Россохина. Известны также почерки его ученика Якова Волкова по рукописи «Книга Сышу или шань Лунь июу» (БАН. 16.9.21), в которой имеется его автограф. Но сравнение почерков в этих четырех рукописях привело нас к выводу, что в рукописи А и Б почерки не принадлежат ни Россохину, ни Волкову.⁷ Тем не менее, почерки в А и Б тоже отличаются. Можно предположить, что в рукописях А и Б текст на русском языке написаны двумя его учениками, помимо Я. Волкова.

Но нельзя считать это основанием того, что перевод рукописи А, где нет автографа, выполнен одним из учеником Россохина. По данным «Исторического очерка и обзора фондов рукописного отдела БАН» обе рукописи поступили в 1744 г.⁸ Это доказывает, что перевод был сделан до этого времени. Но школа китайского и русского языков Россохина была открыта 10 августа 1741 г.⁹ За три года ученики вряд ли смогли овладеть языком до такого высокого уровня. Как было написано в «прошении», поданном Я. Волковым и Л. Савельевым 6 августа 1746 года: «обучаемся мы, низжайшие, с 1741 году китайскому языку, которого мы уже поныне не мало познали и несколько читая их книги разуместь можем». Здесь о переводе не упомянуто. Позже в рапорте Волкова, Савельева и Корелина, поданном в апреле 1750 г. (в последние месяцы их занятий), сообщают, что учатся переводить разные исторические книги на русский язык¹⁰. В связи с вышеизложенным, можно предположить, что перевод в А тоже выполнен Россохиным, но списан одним из его учеников.

Сравнение двух рукописей нам показало, что это разные переводы книги «Сань цзы цзин». Между двумя рукописями существует немало различий.

1. Структура текста в рукописях А и Б.

В рукописи А представлен текст на русском языке. А в рукописи Б представлены тексты на трех языках: на маньчжурском, китайском и русском. Стоит упомянуть, что на листах 1-14 рядом с маньчжурскими литерами и китайскими иероглифами дается еще их транскрипция русскими буквами, например, «*人 жинь*», «*之 джы*», «*初 чу*» и др. Это дает нам повод предполагать, что именно Б служила учебником в преподавании языков. Кроме того, в части об истории Китая (л.23-34) на левом поле страницы даются примечания с помощью знаков «#» (л.23об. и л.24 об.) и «*» (л.24об-л.33об.), поставленных над словами, которые нуждаются в объяснениях, для указания годов какого-либо исторического периода или события.

2. Техника перевода в рукописях А и Б.

2.1. В рукописи А представлен более простой и сжатый перевод по сравнению с переводом в Б.

Видно, что в рукописи А автор пытался в переводном тексте сохранить простоту текста оригинала. Он сделал построчный перевод без объединения нескольких строк в одну или изменения их порядков. А в рукописи Б – для того, чтобы лучше и понятнее перевести текст оригинала, Россохин где-то добавил союзы (*ежели, а, когда*), а где-то изменил порядок строк.

⁷ Выражаем благодарность сотруднику Отдела рукописей Библиотеки Академии наук И.А Вознесенской за консультацию о почерках.

⁸ См. сноску 1 в «Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки академии наук» Выпуск 1, С. 224.

⁹ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения / Скачков П.Е. – М.: 1977. – 503 с. 44 с.

¹⁰ Там же. 44 с.

2.2. Перевод имен собственных.

В оригинале много имен собственных, которые остались бы непонятными без объяснения. В обоих рукописях большинство имен существительных передается с помощью транскрипции, но в Б иногда к транскрипции добавляются объяснения.

В рукописи Б кроме транскрипции имен человека, даются еще перевод его титула, как «первоначальные ханы», «царь», «последний шанский царь», «первый танской хань», «министрь». Таким образом, становится яснее, о каких людях идет речь.

2.3. Качество перевода.

В А встречаются неточные переводы, некоторые из которых совпадают с неточными переводами в Б, а некоторые соответствуют правильным переводам.

Сравнение техники перевода показывает, что в А представлен построчный перевод с наличием ошибок, а в Б – объяснительный перевод, где ошибок меньше. Это позволяет нам сделать предположение об авторе рукописи А: если перевод в А выполнен Россохиным, то это должно быть раньше чем перевод Б, потому что некоторые неточные переводы исправлены в Б.

3. Язык перевода в рукописях А и Б.

3.1 Орфография.

Оба перевода были сделаны в XVIII веке, поэтому непременно отражают черты языка XVIII века.

В обоих текстах довольно свободно ставятся «ь» и «ъ» *после «ц»*, и орфография в то время не выдержанная, одна и та же буква может по-разному писаться. Но между ними есть и различие:

Кроме титлы над «июу» в значении того, что три буквы должно читать слитно, в Б нет надстрочных знаков, и слова не пишутся в сокращенном виде. А в рукописи А некоторые слова регулярно пишутся под титлой в сокращенном виде: «*государь*», «*человек*», «*милосердие*», «*отец*», «*солнце*», «*месяц*».

В рукописи А активно используются буквы, которые не пишутся в Б, такие, как *и*, *Ѡ* и *ѡ*. В том числе *Ѡ* в Б тоже пишется, но не в русском тексте, а в транскрипции, почерки которой принадлежат Россохину.

3.2 Славянизмы.

В обоих текстах встречаются славянизмы, но в А их больше, чем в Б. Это отражено на разных уровнях:

- 1) на фонетическом уровне
- 2) на морфологическом уровне
- 3) на лексическом уровне
- 4) на синтаксическом уровне

Сравнение показывает, что в рукописи Б автор сознательно отказывается от славянизмов и стремится объяснить текст простым и близким к бытовой речи языком. Это тоже можно считать одним из доказательств, что именно рукопись Б служила учебником обучения китайскому языку.

Все вышесказанное привело нас к выводу, что в середине XVIII в. книга «Сань цзы цзин» была дважды переведена на русский язык. Между двумя переводами наблюдается не мало различий, и в структуре текста, и в переводе, и в языке. Именно рукопись Б служила учебником для школы китайского и маньчжурского языков. Перевод в рукописи Б выполнен Россохиным. А автор другой рукописи не известен, но по переводу можно предположить, что перевод в ней был выполнен тоже Россохиным.

Список участников конференции

Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор, Институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета. Казань, Россия
valeev200655@mail.ru

Валеева Роза Закириева, кандидат педагогических наук, доцент Казанского государственного института культуры

Гущина Елена Геннадьевна, директор Этнографического музея Казанского университета
egguschina@mail.ru

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета. Профессор Красноярского государственного педагогического университета
dazishen@mail.ru

Жуков Вадим Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета
gratis2002@inbox.ru

Зорин Александр Валерьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела рукописей и документов Института восточных рукописей РАН
kawi@yandex.ru

Кульганек Ирина Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН
kulgan@inbox.ru

Кожа Ксения Анатольевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела языков ИВ РАН

Лю Жомэй, профессор Центра исследования зарубежного китаеведения при Пекинском университете иностранных языков
ruomeiliu@126.com

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, доцент
Института международных отношений, истории и востоковедения
Казанского федерального университета. Казань
dmitrymartynov80@mail.ru

Маяцкий Дмитрий Иванович, кандидат филологических наук, доцент
кафедры китайской филологии Восточного факультета Санкт-
Петербургского государственного университета
taishan@yandex.ru

Пан Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, ведущий
научный сотрудник, заведующая отделом Дальнего Востока Института
восточных рукописей РАН
ptatiana@inbox.ru

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент
Национального исследовательского университета «Высшая школа
экономики», профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и
государства
gorot@mail.ru

Успенский Владимир Леонидович, доктор исторических наук, профессор
кафедры монгольской филологии Восточного факультета Санкт-
Петербургского государственного университета
erdem108@gmail.com

Цветков Дмитрий Владимирович, аспирант отдела Дальнего Востока
Института восточных рукописей РАН
dmitry.tswetckov@yandex.ru

Чнь Шэннань, аспирант кафедры русского языка Филологического
факультета Санкт-Петербургского государственного университета
727852429@qq.com